

Александра Хартманн

Возвращение Лотоса

Александра Хартманн
Возвращение Лотоса

«Автор»

2026

Александра Хартманн

Возвращение Лотоса / Александра Хартманн — «Автор», 2026

Она считала его предателем. Он был уверен, что она погибла. После кораблекрушения я, Киара Марэ, выживаю и оказываюсь в Англии под чужим именем. Теперь у меня нет ни дома, ни денег, ни прошлого, только одна цель: выжить, найти сестру и никогда больше не верить мужчине, которого я любила и который разбил мне сердце. Но прошлое не умирает. Старый английский дом. Маленькая девочка. Молчаливый мистер Джойс, давший мне убежище. И мужчина, который однажды снова войдет в мою жизнь, не зная, что женщина, которая когда-то была его женой, стоит совсем рядом. В конце героев ждет долгожданный ХЭПродолжение книги "Лотос Серебристый"

© Александра Хартманн, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое небо	5
Глава 2. Школа Святой Агнессы	7
Глава 3. Девочки	11
Глава 4. Разоблачение	15
Глава 5. Новое место	18
Глава 6. Дом леди Ашборн	23
Глава 7. Девочка на дереве	26
Глава 8. Испытательный срок	31
Глава 9. Секрет мисс Кэти	34
Глава 10. Тени прошлого	39
Глава 11. Несчастный случай	43
Глава 12. Розы и трепет сердца	48
Глава 13. Лотос под маской	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александра Хартманн

Возвращение Лотоса

Глава 1. Чужое небо

Англия встретила небом, которое не умело гореть.

После ослепительной, жестокой синевы Лаоса, после тяжелого золота закатов над Меконгом, после влажного пламени тропических рассветов это небо показалось мне странным, почти невозможным. Оно не сияло, оно висело. Низкое, белесое, холодное, с рваными серыми краями облаков, которые шли так низко над полями, что, казалось, стоит протянуть руку, и пальцы намокнут в их сырой шерсти.

Поля Стаффордшира тянулись до горизонта ровными волнами земли и травы, пересеченными каменными изгородями, узкими тропинками, тонкими ручьями, отливавшими свинцом, и редкими темными рощами, в которых ветер жил уже не шелестом, как в Лаосе, а шепотом.

Да, именно шепотом.

Все здесь шептало: мокрый вереск, пустые луга, обнаженные кусты, черные ветви, вороны, вода под мостом.

Даже дождь не лился, а шептал по стеклу.

Я часто выходила одна в поле после уроков и шла, не разбирая дороги, пока не начинала мерзнуть так сильно, что пальцы немели в перчатках, а щеки делались жесткими от ветра. Тогда я останавливалась у какого-нибудь забора, смотрела на серую равнину, на тонкие дымки над крышами далеких ферм, на упрямые клочья солнца, пробивавшиеся сквозь тучи, и думала, что эта земля совсем не похожа на ту, где я родилась.

Но и в ней была своя суровая красота. Молчаливая. Сдержанная.

Та красота, которая не раскрывается навстречу человеку, а заставляет его долго идти под дождем, прежде чем он поймет, что уже любит это серое небо, черные ручьи, стылый ветер и колючие пустоши.

Школа Святой Агнессы стояла в стороне от деревни, на невысоком холме, окруженная лугами, старым яблоневым садом и каменной стеной, за которой теснились мокрые кусты роз. Здание было длинным, строгим, темно-кирпичным, с высокими окнами и узкими готическими арками над входом. Внутри пахло сургучом, мелом, книгами, влажной шерстью детских накидок и углем, который постоянно пытались экономить.

Я жила здесь уже почти три недели.

Для всех в этом доме я была мисс Жослин Симоне — новая учительница французского языка и рисования, пережившая кораблекрушение, потерявшая вещи, но не воспитание, и потому заслуживающая снисхождения. История была вполне правдоподобной и достаточно печальной, чтобы не задавать лишних вопросов. Люди вообще охотнее принимают ложь, если она не слишком блестяща и не просит многого.

Первую неделю мне казалось, что я хожу не по школьным коридорам, а внутри сна.

Сестры-учительницы в темных платьях. Шелест детских шагов. Холодные классы. Чернильницы. Карты. Глобус с облупившейся Африкой. Звон колокольчика к уроку. Маленькие девочки с белыми воротниками, склоненные над тетрадами.

Мир был так далек от Лаоса, что временами я просыпалась по ночам с уверенностью, будто вот-вот услышу за окном крик павлина, а вместо него слышала только дождь.

Другие учительницы относились ко мне вежливо, но настороженно.

Мисс Харрингтон, высокая, сухая, с прямой спиной и слишком внимательными глазами, сразу невзлюбила мою манеру произносить некоторые английские слова и однажды заметила,

что во французском колониальном воспитании всегда чувствуется опасная степень свободы. Мисс Лоуэлл, напротив, была добрее и чаще всего пыталась сунуть мне лишний кусок пирога за чаем, считая, что я выгляжу пугающе хрупкой. Была еще мисс Бреттон — круглолицая, румяная, вечно мерзнувшая и потому постоянно кутавшаяся в серую шаль. Именно она первой спросила меня, не скучаю ли я по дому.

Тогда я ничего не ответила. Потому что уже не знала, где мой дом.

Мой день начинался рано.

Колокол к мессе. Завтрак в общей столовой. Тонкий чай. Сухой хлеб. Иногда овсяная каша, от одного вида которой меня поначалу все еще мучило, тело не сразу забыло больницу и потерю ребенка, хотя разум уже научился прятать это от других.

Потом уроки.

Я учила девочек французским глаголам, правильным линиям в рисунке, основам хорошего вкуса и тому, как нужно держать осанку при чтении вслух. Иногда, глядя на их тонкие руки, на склоненные головы, на белые ленточки в волосах, я чувствовала такую странную, почти пугающую нежность, что приходилось отворачиваться к окну.

Потому что тогда я вспоминала того, кто уже никогда не родится. И это было больнее всего.

После полудня, если не шел сильный дождь, я выходила одна.

Дышала воздухом полей. Слушала холодные ручьи. Трогала ладонью мокрый мох на камнях. И думала о Джии.

Почти каждый день.

Я писала запросы. Отправляла письма. Пыталась через школьную почту и через Чарльза Джойса — директора, по доброте своей согласившегося однажды отнести еще одно мое письмо к доверенному почтовому агенту — получить хоть след из Бостона или Нью-Йорка.

Но ответа не было. Ни от сестры. Ни от Роя. И эта тишина уже жила во мне, как старая болезнь.

Вечерами я сидела у окна в своей маленькой комнате под самой крышей.

Писала. Или делала вид, что пишу.

Чаще всего просто смотрела, как по стеклу стекает дождь.

Иногда, если тучи расходились, над холмами на несколько минут появлялось солнце. Не золотое и жаркое, как дома. А бледное, хрупкое, нежное. Оно ложилось на траву светлой полосой и тут же исчезало, словно само удивлялось своему приходу.

В такие минуты мне казалось, что я и есть это солнце.

Чужая. Случайная. Ненадолго.

И все же живая.

Глава 2. Школа Святой Агнессы

Утро в школе Святой Агнессы начиналось колоколом.

Этот колокол напоминал телу о порядке. Проснись. Встань. Оденься. Спустиись. Подчинись новому дню. Сейчас не время веселью и улыбкам.

И я подчинялась этому приказу, хотя поначалу мне и было сложно. Слишком привольно мне жилось дома в Лаосе. Слишком сильно я привыкла жить чувствами, и так не приучена к жесткой дисциплине, которая словно холодная клетка, стискивала со всех сторон.

Моя комната под самой крышей была холодной. В Лаосе утро входило в спальню влажным золотом, птицами, запахом реки и горячей зелени. Здесь же оно пришло серым светом, просочившимся сквозь тонкие занавеси, и запахом сырого кирпича.

На стуле у кровати висело серое платье. То самое, которое мисс Харрингтон посчитала вполне уместным для разумной молодой женщины, не склонной к ненужной яркости.

— Мисс Харрингтон считает женскую привлекательность пороком, - со смущенной улыбкой произнес мистер Джойс в поезде. — Потому, чтобы понравится ей, лучше не выбирать ничего кричащего в одежде.

— Конечно, мистер Джойс, - спокойно отвечала я, сложив на коленях руки, - я собираюсь жить по правилам того учреждения, где мне дали место.

И теперь у меня было несколько правильных платьев.

Серое. Темно-коричневое. Синевато-черное. Одно цвета мокрого камня. Другое старой лаванды, потемневшей от пыли.

Ни один оттенок не жил. Ни один не пел. Ни один не дышал.

Все они были как новая оболочка моей жизни: скромные, тихие, правильные, стертые.

Я оделась медленно.

Сначала нижняя рубашка. Потом чулки. Потом платье. Потом пояс. Потом гладко собрала волосы и закрепила их так туго, что лицо в зеркале стало еще строже. Коричневая помада сделала губы тоньше и старше. Затем я надела очки.

Их я заказала почти сразу после приезда и размещения.

За мутноватыми стеклами с янтарным оттенком мой взгляд становился тусклее, старше. Не Киара Марэ, не женщина, которую однажды любили с безумием и болью, а мисс Жослин Симоне, учительница, перенесшая тяжелую дорогу и слишком много потерявшая, чтобы задавать ей лишние вопросы.

Я долго стояла перед зеркалом и смотрела на себя.

Лицо было моим. И не моим.

Волосы мои. Руки мои. Кожа моя.

Но вся я как будто переместилась чуть глубже, за тонкую стеклянную стену.

Киара теперь жила где-то там. Далеко. Внутри. И если кто-то хотел бы увидеть ее, ему пришлось бы сначала пройти сквозь холод, ложь, молчание и чужое имя.

Колокол ударил снова. Я чуть вздрогнула, пробуждаясь от своих мыслей, и поспешила вниз

Столовая для персонала была длинной, темной, с низким камином и узкими окнами, из которых открывался вид на влажный школьный двор. На столах уже стояли чайники, хлеб, масло, каша, вареные яйца и джем, вид которого почему-то всегда напоминал мне кровь на белой салфетке. После Лаоса английская еда казалась мне не просто пресной, она была лишеной страсти, стертой и серой, как и погода за окном. В ней не было специй, жара, аромата, не было той щедрости, которая даже в бедности делает пищу событием. Здесь еда подчинялась не удовольствию, а долгу.

Мисс Лоуэлл уже сидела за столом в своей неизменной серой шали.

— Доброе утро, мисс Симоне, — сказала она тепло. — Надеюсь, вы спали лучше.

— Благодарю, да.

— Это счастье. В такой сырости многие новенькие просыпаются с тоской и ревматизмом.

Я села. Мисс Бреттон тихо кивнула мне с другого конца стола. Мисс Харрингтон вошла последней и устроилась напротив с лицом женщины, которая считает доброжелательность уступкой слабости.

Чарльз Джойс появился через несколько минут, уже с бумагами в руках, будто даже за завтраком не мог позволить себе просто быть человеком без должности.

— Сегодня у вас два урока французского и один класс рисования, — сказал он, подавая мне листок. — Если почувствуете слабость, скажите. Я переставлю расписание.

— Не нужно, - отвечала я, внимательно читая расписание через очки.

Мисс Харрингтон едва заметно приподняла бровь.

— Надеюсь, мисс Симоне, вы не из тех женщин, которые сначала отказываются от помощи, а потом падают в обморок перед ученицами. Спешу вас сразу предупредить, жалости вы этим не добьетесь.

Я подняла на нее взгляд поверх чашки чая. Мне хотелось съязвить, ответить как-нибудь резко и хлестко, чтобы поставить на место эту высокомерную женщину. Но я не могла. Нет. Надо учиться быть другой. Надо сдерживать свой нрав.

Я опустила глаза.

- Что вы, мисс Харрингтон, я бы никогда не позволила себе столь предосудительное поведение.

Первый урок дался мне легче, чем я ожидала.

Девочки сидели за высокими деревянными партами в темных форменных платьях, с белыми воротничками, гладко причесанные, пахнущие мылом, чернилами, холодным воздухом и слегка яблоками, которые кто-то из них, должно быть, прятал в кармане. Некоторые смотрели на меня с откровенным любопытством, другие с тем настороженным уважением, которое дети испытывают к новым взрослым, еще не зная, бояться их или любить.

Я начала по-французски.

Несколько девочек тут же выпрямились. Две закатили глаза. Одна уронила перо.

- Пожалуй, сегодня, мы начнем урок с небольшого диктанта, чтобы я могла понять общий уровень класса, - произношу сухо, раскрывая сборник французских авторов.

И хор перьевых ручек заскреб по бумаге.

Одна рыжая девочка с длинным носом и слишком серьезным лицом на каждом втором слове останавливалась и краснела до ушей. Я подошла к ней, наклонилась и тихо подсказала.

Она подняла на меня огромные серые глаза и прошептала:

— Спасибо, мисс.

После этого урока я стояла у окна и задумчиво смотрела на мокрый от дождя сад. Неожиданно внутри меня разлилось тепло и тихая радость. Возможность поделиться с детьми чем-то, что у меня имелось в избытке вдруг стало источником вдохновения и какой-то призрачной надежды. Надежды, что новая жизнь не будет столь серой и мрачной, какой она рисовалась мне по дороге из Ливерпуля.

После обеда, когда девочки разошлись, а небо над школой стало еще ниже и серее, я вышла одна за ограду.

Тропа шла вниз по склону, мимо старых кустов шиповника, мимо каменной стены, покрытой мхом, мимо черной лужи, в которой отражалось белесое небо. Дальше начинались луга. За ними виднелся ручей, тонкий, холодный, почти стеклянный.

Я шла медленно, наслаждаясь прогулкой. Сырым воздухом было трудно дышать сразу после теплых школьных комнат, но именно в этой прохладе я чувствовала себя живее, чем под крышей.

Ветер трогал края шали. Где-то вдали кричали вороны. Пахло травой, мокрой землей и чем-то едва различимым, может быть, полевыми цветами, слишком сдержанными, чтобы кричать о себе.

Я остановилась у ручья и посмотрела вниз.

Вода шла быстро, чисто, без всякой тропической медлительности. В Лаосе вода несла запах и тепло. Здесь она была почти безличной. И все же в этой холодной прозрачности таилась странная правда.

Я присела на камень.

Достала из кармана недописанное письмо Джии.

Бумага отсырела на сгибах. Я давно уже не знала, куда писать. Но тем не менее с неумным упорством все равно писала. Эти письма были единственным местом, где я могла быть прежней, где я изливала всю свою боль от разрушенной вдребезги жизни.

— Мисс Симоне?

Я вздрогнула и подняла глаза. Чарльз Джойс стоял в нескольких шагах, держа в руке шляпу.

— Простите. Я не хотел пугать вас, - произнес он.

Я сложила письмо.

— Все в порядке.

Чарльз Джойс оказался моложе, чем я ожидала.

На фотографии, которую показывала мне настоящая Жослин на судне, он выглядел слишком уж по-школьному благовоспитанным: аккуратный костюм, ровный пробор, серьезные глаза, правильный подбородок. Я тогда даже подумала, что такой человек наверняка умеет говорить только о дисциплине, арифметике и сырости в пансионах для девочек. Но реальный мистер Джойс был живее. В движениях его чувствовалась неловкая спешка, как у людей, много думающих и не всегда успевающих за собственными мыслями. Волосы были темнее, чем на карточке. Черты лица мягче. А взгляд его часто теплел, особенно когда он говорил об успехах своих учениц.

Он подошел ближе ко мне, но не слишком, ровно настолько, чтобы не показаться навязчивым.

— Я просто хотел сказать, что, если вам нужно отправить письмо на северо-восток или за океан, я могу попросить знакомого в почтовом агентстве.

— Благодарю, мистер Джойс. Но я люблю гулять до почты. Природа здесь заставляет о многом задумываться.

— О чем же задумываетесь вы? – улыбнулся он.

Я встала на ноги, расправляя складки юбки.

- О многом, например о том, что никогда не думала, что Англия окажется настолько дождливым и промозглым местом.

Он рассмеялся, как-то неловко и смущенно, словно в дурном климате была и его вина.

- О, мисс Симоне, Англия и правда поначалу может произвести не самое благодушное впечатление, особенно на тех, кто привык к более теплему климату. Но подождите буквально месяц, и уверяю вас, вы не узнаете все вокруг. Холмы и поля покроются бархатной зеленью и заискрятся, а сады наполнятся щебетанием птиц и журчанием ручьев. Я покажу вам один склон, весной он весь зарастает вереском. Там очень живописно.

Он говорил это таким тоном, как будто читал поэму или балладу. Улыбка вдруг коснулась моих губ, но я поспешила ее спрятать. Однако это не утаилось от внимательного взгляда Чарльза Джойса.

- О, прошу вас, мисс Симоне, со мной вы можете позволить себе улыбаться и быть собой, обещаю, я не наябедничаю на вас мисс Харрингтон.

- Ну что ж, тогда я и правда спокойна, - улыбнулась я, уже не таясь.

- Позвольте проводить вас до почты?

Я кивнула, и мы пошли вниз по тропинке к деревне.

Глава 3. Девочки

Постепенно я начинала привыкать к ритму школы так же, как привыкают к чужой одежде: сначала ткань царапает кожу, потом перестаешь ее замечать, а потом вдруг ловишь себя на том, что уже не помнишь, как двигалось тело без нее.

Больше всего я полюбила своих учениц, но и пугали они меня тоже больше всего. Не потому, что были шумными, грубыми или капризными, нет, школа Святой Агнессы вырастала из такой дисциплины, которая не оставляла много пространства для открытых вспышек нрава. Но в девочках была та страшная, тонкая восприимчивость, которая делает детей опаснее взрослых. Взрослый может поверить в ложь, если она аккуратно подана и не слишком беспокоит его душу. Ребенок же чувствует прежде, чем понимает. Я вспоминала нас с сестрой, и только сейчас до конца осознала, насколько уязвимыми мы были.

Иногда мне казалось, что девочки смотрят на меня слишком пристально.

Не как на новую учительницу. А как на человека, пришедшего откуда-то очень издалека и не до конца принадлежащего миру их чернильниц, молитвенников и вышитых манжет.

Старшие наблюдали молча, с осторожностью. Младшие же сначала пугались меня из-за очков и слишком тихого голоса, потом тянулись ближе. Средние были самыми сложными: достаточно взрослыми, чтобы язвить, и недостаточно взрослыми, чтобы стыдиться собственной жестокости.

Именно они первыми начали испытывать меня на прочность.

В ту среду, когда воздух был особенно холоден и дождь с утра полосовал стекла, словно кто-то снаружи пытался бесконечно заштриховать весь мир, я вошла в класс французского и сразу почувствовала неладное.

Девочки сидели слишком тихо.

Та особая тишина, которая сразу говорит взрослому: здесь что-то уже произошло, просто вы еще не знаете, что именно. Я остановилась у кафедры.

Чернильницы. Ряды косичек. Белые воротнички. Тетради.

И посреди второго ряда маленькая фигура с опущенной головой.

Это была Мэри Эдридж, бледная, уязвимая девочка лет четырнадцати, всегда слишком аккуратная, слишком серьезная и, кажется, привыкшая существовать так, чтобы не занимать лишнего места в мире. У нее были светлые, почти бесцветные волосы, которые в школьном полумраке казались мышиными, и большие серые глаза.

На этот раз она сидела, не поднимая головы, а на промокнутом манжете ее рукава темнела клякса.

С соседней парты до меня донеслось едва слышное шипящее:

— Чернильная мышь.

Класс тут же задрожал подавленным смехом.

Я медленно положила книги на стол.

— Кто это сказал?

Молчание.

Я смотрела на девочек.

Наконец в третьем ряду медленно выпрямилась высокая темноглазая ученица с прекрасной осанкой и слишком красивым, уже почти женским лицом. Ее звали Эвелин Марч. Дочь богатого промышленника из Бирмингема. И по слухам, ее отец вложил не мало средств в прошлый годний ремонт школы и закупку новых парт.

— Простите, мисс Симоне, — сказала Эвелин Марч с безукоризненной вежливостью. — Но, кажется, мы всего лишь смеялись над неуклюжестью.

В ее красивых глазах не было ни тени стеснения. Она ощущала себя хозяйкой здесь, а учительниц считала чем-то вроде своих личных горничных.

Именно такие дети вырастают в самых опасных взрослых.

Я выдержала ее взгляд.

— Над чем именно вы смеялись, мисс Марч? — спросила я спокойным голосом.

Эвелин чуть склонила голову.

— Над кляксой на рукаве Мэри. Это, безусловно, не очень изящно.

В классе снова зашевелились. Я перевела взгляд на Мэри.

Она сидела неподвижно, только пальцы ее судорожно сжимали перо. Худенькое личико ее было бледно, словно полотно. В таких случаях дети страдают телом: у них горят уши, сводит горло, делается ледяным живот, а сердце бьется так, будто сейчас выскочит наружу и покатится по полу на потеху другим.

Это выражение лица я знала слишком хорошо. Такой была моя Джи в детстве.

— Мисс Элдридж, поднимитесь, — обратилась я к девочке.

Она медленно встала.

В ее глазах уже стояли слезы, которые она из последних сил пыталась удержать.

— Идите ко мне. Не бойтесь.

Она подошла, глядя в пол.

Я взяла ее за испачканный рукав.

— Пятно от чернил, — сказала я громко, так, чтобы слышал весь класс, — в школе является доказательством одной вещи: ребенок работает.

В классе повисло молчание.

— А вот насмешка над тем, кто работает, — это уже доказательство дурного воспитания.

Я отпустила рукав и повернулась к классу.

Эвелин Марч стояла спокойно, но в ее взгляде, направленном на меня, промелькнуло что-то недоброе.

— Мне жаль, если вы приняли мои слова за насмешку, мисс, — сказала она, мило улыбуясь. — Я вовсе не...

— Сядьте, — перебила я.

И впервые за все время позволила своему голосу звучать так, как он звучал когда-то дома: не громко, но с той острой, блестящей твердостью, которой дети боятся инстинктивно.

Эвелин потрясенно опустила на стул. Десятки глаз уставились на меня, кто-то с удивлением, кто-то со страхом.

Слеза в глазах Мэри дрогнула и покатилась вниз. Я сделала вид, что не заметила этого.

— Сегодняшний урок, — сказала я, — мы начнем с небольшого упражнения. Каждая из вас напишет по-французски десять строк о том, что такое истинное достоинство. И если хоть одна из вас напишет там слово изящество прежде слова милосердие, она перепишет работу трижды.

В классе наступила такая тишина, что я слышала, как за окном дождь сливается в ручьи на каменном подоконнике.

Перо Мэри дрожало в пальцах. Я тихо накрыла ее руку своей.

— Пишите, — сказала я уже мягче.

И только когда почувствовала, что она снова дышит, вернулась к кафедре.

Урок закончился, и девочки поспешно покидали класс.

- Мисс Симоне? — прозвучал надо мной чей-то серебристый голосок.

Я подняла голову. Эвелин Марч стояла в окружении четверых своих самых приближенных подружек, тоже дочерей богатых отцов.

На красивых губах Эвелин играла легкая улыбка.

- Вы ведь не так давно в школе Святой Агнессы, не так ли, мисс? – спросила она, изящно поигрывая бриллиантовой сережкой в ухе. Ей единственной во всей школе дозволялось носить украшения. Зоркие очи мисс Харрингтон именно на ней вдруг становились слепы.

Я отлично знала такой тип девушек, как Эвелин Марч: избалованные, жестокие папины дочки, считавшие, что все вокруг должно служить лишь к исполнению их прихотей и желаний. В Лаосе среди богатых француженок тоже встречалось таких не мало, но я никогда их не боялась и прекрасно умела ставить на место. Но здесь в стенах этой школы, под чужой личиной я рисковала слишком многим.

Я окинула Эвелин Марч пристальным взглядом, от которого ей стало явно не по себе.

- Что вы хотели сказать, мисс Марч? – спросила я, смотря на нее в упор через очки.

- О, ничего особенного, - хмыкнула она, - просто хотела предупредить, что мой отец, мистер Марч, тщательно следит за преподавательским составом школы и весьма придирчив. Он хочет, чтобы у меня были самые лучшие учителя Стаффордшира.

- Что ж, ваш отец весьма мудр.

Эвелин приблизилась ко мне и, наклонившись, словно невзначай смахнула невидимую пылинку с моего плеча.

- И он будет весьма расстроен, узнав, что молодая учительница совсем не соответствует высоким стандартам школы. Вы же понимаете, да?

В былые времена я надрала бы этой маленькой занозе уши, но в нынешнем положении мне не оставалось ничего иного, как выдавить из себя:

- Да, мисс Марч, я хорошо все понимаю.

Она мило улыбнулась, довольная достигнутым эффектом, ее подружки злорадно засмеялись за спиной.

- Мисс Симоне? – раздался вдруг мужской голос.

Мы все обернулись. В дверях стоял мистер Джойс с кипой папок под мышкой. Он явно заметил странное напряжение между мной и группой учениц. В его глазах читалось напряженное внимание. При его проявлении Эвелин Марч мгновенно изменилась в лице.

- О, мистер Джойс! – выдохнула она, и ее щеки залила краска. – Я как раз хотела идти к вам в кабинет, чтобы передать приглашение от моего отца на ужин в это воскресенье. Вы же будете, не так ли?

Она подлетела к нему, заглядывая в глаза, пытаясь поймать взгляд.

Он что-то отвечал ей, по всей видимости, пытался отказаться от приглашения, но Эвелин Марч уже снова применила свой излюбленный метод манипулирования людьми – напомнить о том, сколько ее отец вложил средств в процветание школы. Разница была лишь в том, что она явно робела перед мистером Джойсом, стараясь выглядеть оскорбленной невинностью.

Я удивленно подняла брови. Что это? Неужели этой нахалке нравится мистер Джойс? Ну что ж, неплохой для него вариант, пускай, она избалованная стерва, зато богата и похоже, что влюблена в него по уши. Осталось подождать каких-то четыре года, и они вполне могли бы пожениться. Но одобрит ли мистер Марч такой выбор дочери?

Я покачала головой и склонилась над раскрытым учебником, чтобы подготовиться к следующему уроку. И только сейчас заметила, что Мэри не ушла.

Она стояла у парты, тоненькая, бледная, с все еще покрасневшими глазами и испачканным рукавом, который пыталась спрятать за спиной.

— Да? — спросила я.

— Спасибо, мисс.

Сказано было так тихо, что эти два слова почти растворились в сыром воздухе класса.

— За что именно?

Она растерялась.

— За... то, что вы не позволили им...

Ее губы дрогнули. Я поднялась и приблизилась к ней.

— Мэри, — сказала я. — В жизни всегда найдутся люди, которым кажется, что чужая неловкость делает их выше. Это не так. Она делает их только мельче.

Девочка смотрела на меня, не моргая.

- Мисс Симоне, вы такая отважная! - выдохнула она, с детским восхищением смотря на меня. — Но только зря вы... Нельзя им переходить дорогу. Они будут мстить.

Я улыбнулась и коснулась теплой рукой холодной щеки девочки.

- Давай никого никогда не бояться и смотреть с надеждой в будущее, хорошо? Однажды школа закончится, и ты станешь взрослой. И все страхи уйдут. Главное, это не потерять себя и не унижаться перед такими, как мисс Марч. Договорились?

Мэри чуть расправила плечи.

— Да, мисс Симоне, спасибо за все.

Когда дверь за ней закрылась, я осталась одна.

Класс был тих. На партах темнели чернильные пятна. За окном дождь почти прекратился, и между облаками на миг проступила тонкая полоса света.

Я подошла к окну. Прижалась ладонью к стеклу.

Тот ребенок, которого у меня отняли, никогда не скажет мне спасибо.

И все же почему-то в этот момент мне показалось, что, помогая Мэри, я на одно крошечное мгновение прикоснулась к той части себя, которая не умерла вместе с домом Марч.

И от этого стало больно. И светло одновременно.

Но, как и говорила Мэри, проблема не закончилась уроком.

За чаем мисс Лоуэлл, добродушно наливая мне вторую чашку, заметила, что Эвелин не любит, когда ей перечит, а мисс Харрингтон сухо добавила:

— Некоторые девочки слишком рано узнают цену своего происхождения.

Я поняла. Значит, дело не только в школьной жестокости.

Эвелин Марч привыкла быть первой. Богатой. Красивой. Удобной для внимания. И, вероятно, уже считала, что мистер Джойс смотрит на нее так, как мужчина однажды должен смотреть на женщину, которую должен выбрать.

Когда уроки закончились, застучал по крышам дождь. Я стояла на крыльце школы, наблюдая за тем, как холодные капли ударяют по серым камням.

- Мисс Симоне, вы сегодня снова без зонта? – раздался у меня за спиной голос.

Я обернулась, выходя из задумчивости.

- Добрый вечер, мистер Джойс, - улыбнулась я, - вы правы, никак не могу запомнить, что нужно приобрести зонт.

Он был одет в свое серое пальто, в руках сжимал черный зонт-трость.

- Тогда позвольте, я провожу вас до дома?

Я хотела согласиться, но тут за его спиной заметила Эвелин Марч

Она стояла у окна, держа книгу, но не читала. Только пристально следила за тем, как Чарльз Джойс говорит со мной.

Когда я подняла голову, наши взгляды встретились. Эвелин не отвела глаз. В них уже жила не детская неприязнь. Что-то тоньше. Опаснее. Почти взрослое.

- Простите, мистер Джойс, но мне надо торопиться, - спешу я откланяться и выхожу прямо под дождь.

- Мисс Симоне! – растерялся мистер Джойс.

Но я уже убегала по дорожке прочь от школы.

Нет, достаточно, больше я не хочу быть третьей стороной в любовном треугольнике. Не хочу снова вставать между мужчиной и предназначенной для него избранницей.

Глава 4. Разоблачение

Весна в Англии не приходила. Она подкрадывалась на цыпочках, словно лесная фея.

В Лаосе смена сезонов чувствовалась всем телом сразу: воздух становился гуще, вода теплее, листья тяжелее, земля начинала пахнуть иначе. Здесь же весна действовала осторожно, почти стыдливо.

Сначала просто менялся свет. Он больше не был тускло-свинцовым и коротким, как в январе, а становился мягче, длиннее, будто под самым серым покровом неба начинала разгораться тайная, сдержанная жизнь. Потом исчезал утренний лед у ручьев. Холодные ветра потеплели, и стали дуть не яростно, а тихо и ласково. Потом на черных ветвях, которые всю зиму казались мертвыми, вдруг появлялись крохотные зеленые точки, так незаметно, что замечал их только тот, кто слишком долго смотрел в пустоту.

Я замечала. Наверное, потому что сама жила почти так же: не оживая по-настоящему, а только подавая едва уловимые признаки того, что внутри еще не все умерло.

Девочки в школе тоже менялись с весной. Становились шумнее. Чаще смеялись. Писали менее аккуратно. Глядели в окна на уроках. Младшие приносили в карманах первые цветы и прятали их в молитвенники, где лепестки быстро превращались в нежную пыль. Старшие становились беспокойнее, чувствительнее к взглядам, одежде, письмам из дома и к собственной красоте, которая только-только начинала осознаваться ими как сила.

Даже мисс Харрингтон в это время года делалась чуть менее суровой. Словно нежные краски, которыми играла природа вокруг, смягчала на время и ее тяжелый нрав.

Я продолжала писать Джии.

Уже не каждый день, это было бы слишком тяжело для души. Но регулярно. С надеждой, которая с каждой неделей становилась все труднее и труднее.

Ответов по-прежнему не было. Я страшилась думать о худшем. Нет, я слишком многих в своей жизни уже потеряла. Джи должна жить. И я обязательно найду способ отыскать ее.

Чтобы избавиться от тягостных мыслей, я старалась как можно дольше бывать на воздухе. Не сидеть в комнате под крышей, где вечерами мне начинало казаться, что тишина вползает в грудь и там превращается в камень. Не задерживаться слишком долго в учительской, где мисс Бреттон вязала, мисс Лоуэлл вздыхала над счетами, а мисс Харрингтон скрипела пером так, будто выводила не замечания в тетрадах, а приговоры живым и мертвым.

Я укутывалась потеплее и шла в поля, а затем дальше за холмы. Там я открыла живописную горную долину, полную зелени, распускавшихся цветов и тихих ручьев. Я опускалась на большой камень у кромки воды и слушала пение ветров.

В один из таких дней солнце особенно радостно светило. Стало жарко. Я сняла черное пальто, очки и распустила волосы, которые теперь доходили у меня до ключиц. Их остригли еще в госпитале.

Встряхнув головой, как когда-то давно я делала дома, устремляю свой взгляд далеко за горизонт. Там серебрились воды реки. Это было такое редкое счастье посмотреть на этот мир не через линзы моих очков. И я наслаждалась каждой минутой, каждым лучом весеннего солнца, игравшего на моем лице и в моих волосах.

- Вы все-таки нашли это место, - произнес мистер Джойс.

Я знала, что это он. В такие прогулки я все чаще его встречала. Не нарочно. Во всяком случае, я старалась верить, что не нарочно.

Он шел с книгой под мышкой, с письмами, с ключами, с очередной школьной заботой, а в действительности, как уже знала, просто по теми же дорожкам, по которым любила ходить я. Он никогда не навязывался и не пытался удерживать меня рядом силой разговора. Но если

наши шаги совпадали, шел рядом достаточно долго, чтобы сделать молчание между нами не тягостным, а странно мирным.

Я повернула голову и встретила с его внимательным взглядом, в котором я уже давно угадывала затаенный огонь.

- Это место восхитительное. Словно дом для цветочных эльфов, - говорю с приветливой улыбкой.

Ободренный моим приветствием, мистер Джойс приблизился и опустился на соседний камень, предварительно положив школьные папки на землю.

— Все еще считаете Англию скучной? – спросил он, довольно щурясь от спящего солнца.

Я задумалась, прежде чем ответить.

— Нет. Не скучной. Только... будто она не доверяет тому, кто смотрит на нее впервые.

Он улыбнулся.

— Значит, вы начинаете ее понимать.

Я не была уверена, что хочу понимать эту страну.

Понимать Англию значило признать, что она уже проникает в меня. А я до сих пор боялась любых новых корней. Будто, если позволю этой земле коснуться сердца, окончательно предам Лаос, мать, Джию, отца и ту прежнюю Киару, которая утонула у Гибралтарского пролива.

- Не желаете ли пройти немного дальше? – предложил мистер Джойс. – Там, за поворотом, открывается чудесная поляна, на которой уже зацвел весенний вереск.

Мы спустились чуть ниже.

Ручей здесь делал резкий поворот между камней и, ударяясь о них, вспыхивал серебром. Я подошла ближе и присела на корточки, касаясь ладонью прозрачной холодной воды.

Здесь же между камней цвели розовато-лиловые цветы с легким, травянисто-медовым ароматом.

- Мне казалось, что вереск цветет в конце лета, - говорю, наклоняясь к цветам.

- Так и есть, - кивнул мистер Джойс, - эти цветы зовут эрика весенняя. Они зацветают рано, даже могут расти из снега. Столько в них силы и жажды жизни.

- Расти из снега... - прошептала я, зачарованно рассматривая удлиненные цветки, раскачивающиеся на ветру. – Порой мне хочется стать таким цветком и суметь прорасти из холодного, мертвого снега.

Поднимаю глаза и встречаюсь с горячим взглядом мистера Джойса. Смущенно отворачиваюсь и смотрю вперед.

— А там что? — спросила я, кивая на дальний склон по другую сторону.

— Уже другое графство.

— Какое?

— Дербишир.

Я замерла, кажется, на секунду сердце перестало биться.

— Что вы сказали? Какое графство?

— Дербишир, - повторил мистер Джойс, всматриваясь в мое побледневшее лицо. – Что с вами, мисс Симоне?

Мир качнулся перед глазами. И словно неистовый ураган ворвалось воспоминание прошлого. Яркое, горячее, живое, страстное. Глаза Эдварда. Его голос. И эти слова: «Я отвезу мой прекрасный лотос в Дербишир и поселю среди роз».

Чтобы не упасть, опускаюсь прямо на землю. Мистер Джойс уже возле меня, придерживает за руку.

- Мисс Симоне, вам нехорошо?

- Нет, все в порядке, мистер Джойс, просто минутная слабость. Прошу давайте вернемся.

- Конечно!

В темных глазах мистера Джойса дрожал настоящий испуг. Осторожно придерживая мой локоть, он проводил меня до дверей пансиона, в котором я жила.

В эту ночь я проснулась, когда яркая луна остановилась против моего окна и стала слепить глаза. Я поднялась и села в кровати, любуясь серебристо-белым ликом хозяйки ночи. Сердце тревожно билось в груди, словно чувствуя, что скоро должно что-то произойти.

На следующий день после обеда ко мне пришла одна из младших учениц.

Щеки у нее пылали от бега, а белый воротничок сбился набок.

— Мисс Симоне, — выпалила она, едва отдышавшись. — Мистер Джойс просит вас зайти к нему в кабинет. Немедленно.

Сердце у меня дрогнуло.

Я поднялась из-за стола, где проверяла рисунки, поправила очки и вышла в коридор. Школа после уроков звучала особенно гулко, как пустой музыкальный ящик, из которого еще долго после окончания мелодии идут слабые отголоски.

Кабинет мистера Джойса находился в дальнем конце коридора, рядом с комнатой для бухгалтерских книг и маленькой библиотекой. Дверь была приоткрыта.

Я постучала.

— Войдите, мисс Симоне, — сказал он.

И голос его прозвучал совсем не так, как обычно.

Тихо. Напряженно. Очень серьезно.

Когда я вошла, он стоял у окна. На столе перед ним лежал конверт.

Он повернулся ко мне и очень долго молчал, прежде чем заговорить.

— Мисс Симоне, — сказал он наконец. — Мне кажется... нет, я почти уверен... что вы не та, за кого себя выдаете.

И в эту минуту я поняла: моя маска начала трескаться.

Глава 5. Новое место

— Мисс Симоне, взгляните, я правильно использовала этот глагол? - Мэри Эддридж подносит к моим глазам листок с начатым сочинением.

Мы с классом расположились за партами в школьном саду.

С приходом весны многие девочки начали заболевать, и, приехавшая через неделю, строгая инспекция выявила, что дети слишком мало проводят времени на свежем воздухе, и слишком много в холодных классах. Посему было принято решение, чтобы часть уроков перенести на улицу, благо погода к этому только располагала. Стоял май. Ясный и солнечный. Невыразимо прелестный. Чистое-чистое небо бездонное в своей сияющей синеве раскинулось надо головой. В тенистых углах и вдоль дорожек показались первые крокусы и нарциссы. Ослепительный свет заполонил все пространство вокруг, играл в свежей зелени кустов и деревьев, отражался от крыши и окон школы.

Выйдя из задумчивости, я опустила глаза на сочинение Мэри.

— Довольно неплохо, мисс Эддридж, только не забудьте использовать те прилагательные, которые мы разбирали на прошлом уроке, - отвечаю девочке с одобрительной улыбкой.

- Конечно, мисс Симоне, - отвечала она, довольная моей похвалой.

Другие ученицы последовали ее примеру, и тоже приносили свои работы на проверку. Тема сочинения была выбрана самая что ни на есть удачная: приход весны. Девочки с большим воодушевлением взялись за ручки, и я с тихой радостью наблюдала за их склоненными над партами лицами. Правда некоторые парты пустовали: Эвелин Марч с подругами отсутствовали на уроке. Их забрали домой семьи, чтобы переждать вспышку школьной простуды в родных стенах. Меня это только радовало, в классе словно спало невидимое напряжение.

Было томительно жарко. Я сняла шерстяной пиджак, оставшись только в платье. Глазами невольно обращаюсь к зданию школе, к окну на втором этаже. Это был кабинет директора.

Мистер Джойс отсутствовал уже три дня. Перед глазами встал тот день, когда он вызвал меня к себе.

— Вы знаете, что это? – спросил он, показывая на конверт. – Это письмо от некой мисс Фанни Маркес. Она пишет с просьбой сообщить ей, здесь ли работает ее давняя подруга – мисс Жослин Симоне. Они подруги детства, и мисс Маркес переживает, что та перестала ей писать. К письму она приложила фото.

Все то время, что мистер Джойс говорил, я не дышала. Возмездие должно было настичь меня, я знала это, только не думала, что это произойдет настолько скоро.

Мистер Джойс положил передо мной фото. С него на меня смотрела настоящая Жослин Симоне, такой, какой я ее запомнила: веселое лицо в обрамлении светло-каштановых кудрей. Я устало прикрыла глаза, продолжая кожей ощущать прожигающий насквозь взгляд мистера Джойса.

- Кто вы такая? – его голос прозвучал строго и сухо. – И какая цель вашего прибытия здесь?

Я могла бы еще раз солгать. Придумать очередную правдоподобную ложь. Но все эти уловки лишь усугубили бы мое положение. Я вздохнула и начала:

- Меня зовут Киара Марэ, я дочь Эдмонда Марэ, плантатора с Лаоса...

И я все ему рассказала. Медленно и спокойно, как рассказывают люди простую, совершенно обыденную историю. Я умолчала лишь об Эдварде и беременности. Эта часть меня таилась слишком глубоко в душе и была столь сокровенной, что казалось, даже предсмертные муки не заставили бы меня говорить об этом.

Все время, что я говорила, мистер Джойс сидел за столом, аккуратно сложив руки. Но, едва я закончила, он встал и начал ходить по комнате. В его движениях, в выражении темных глаз застыло напряжение.

— Вы понимаете, что я не могу вам верить, мисс Симоне... или мисс Марэ?

Я вздрогнула при произнесении моей настоящей фамилии, настолько я смирилась с тем, что Киара Марэ умерла.

- Я понимаю, мистер Джойс, - отвечаю, чуть склонив голову.

Он замолчал на мгновение, нервным движением взъерошил пятерней волосы и затем продолжил:

- Вы понимаете, что, если бы это письмо попало к кому-нибудь другому из школы, к той же мисс Харрингтон, вы незамедлительно были бы переданы в руки властям по обвинению в мошенничестве.

Я смотрела на сложенные руки у себя на коленях.

- Да, мистер Джойс, я хорошо это понимаю. Я осознаю, насколько низок мой поступок. Но тогда в госпитале, это казалось единственным решением, чтобы не попасть в приют для бездомных.

Он приблизился ко мне, и я подняла на него глаза.

- Если вы решите уже сейчас передать меня полиции, я приму это как достойное наказание за мой проступок. Я взяла имя другой женщины, обманула ваше доверие, подвела школу.

Мистер Джойс молчал, не сводя с меня пытливого взгляда. Я видела, что в нем происходила внутренняя борьба, и исход ее решал мою судьбу в эту секунду.

Затем он отошел к высокому окну и сложил руки за спиной.

- Идите, мисс Марэ, мне надо подумать. Но учтите, если вы решите бежать, я окончательно удостоверюсь, что все сказанное вами здесь не более чем очередная ложь.

Я поднялась на ледяных ногах и ушла. В этот же вечер он уехал.

Эти три дня стали для меня отдельной пыткой.

Я продолжала вставать под утренний колокол, надевать серые платья, очки и туго убирать волосы. Продолжала вести уроки, проверять тетради, поправлять детские локоны, замечать пятна чернил на манжетах и слушать, как по окнам хлещет дождь или, напротив, как ветер раскачивает молодую зелень в школьном саду.

Внешне я жила по-прежнему.

Внутри же всё время ждала удара.

Каждый шаг мисс Харрингтон в коридоре казался мне началом разоблачения. Каждый взгляд мисс Лоуэлл — жалостью человека, уже что-то знающего. Каждый стук в дверь ночью — знаком того, что за мной пришли.

Я почти не спала.

Лежала, уставившись в темный потолок под самой крышей, и слушала шепот ветра. Весенние ночи в Англии стали мягче, но и в них оставалась прохладная пустота, от которой в сердце еще сильнее сгущалось одиночество.

Днем я уходила гулять дальше обычного.

Теперь, зная, что за ручьем начинается Дербишир, я не могла не идти туда снова и снова. Стоило только закончиться последнему уроку, как я накидывала пальто и шаль и, не оглядываясь, спускалась с холма.

Тропа уже успела стать мне знакомой.

Мимо старых каменных стен. Мимо низких кустов шиповника. Мимо луж, в которых небо казалось глубже, чем вверху. Мимо ручья, скользящего между камнями.

Там, на границе между двумя графствами, я часто останавливалась и долго смотрела вперед.

Ветер шевелил молодую траву. Склон покрывался цветами. Вдали бледнели холмы. А где-то за ними жил тот Дербишир, который часто грезился мне ночью. Волшебная страна, утопающая в розах.

На четвертый день вернулся мистер Джойс. И я была сразу вызвана к нему.

В школе было особенно тихо. Уроки уже закончились, и пустые стены сохраняли в себе только слабое эхо детских голосов. Из дальней комнаты доносилось, как мисс Лоуэлл распоряжается насчет молока к ужину. Где-то наверху скрипела половица. В открытое окно тянуло молодой листвой и влагой.

Я постучала.

— Войдите.

Чарльз Джойс стоял у стола.

В этот раз на его лице не было той болезненной строгости, что в день письма. Он выглядел усталым, но внутренне уже решившим что-то. В руке держал конверт.

— Присядьте, — сказал он.

Я не села.

— Лучше говорите сразу.

Он выдохнул и положил письмо на стол.

— Я не сообщил никому в школе о вас.

Я молчала.

— И не сообщу.

Теперь я подняла на него глаза.

— Вы поверили мне?

Мистер Джойс потер руки.

- Я навел некоторые справки. В Индокитае действительно бушевала эпидемия холеры в начале зимы, и пассажирское сообщение было перекрыто. В целом остальная информация соответствует вашему рассказу, мисс..., - он запнулся, не зная, как ко мне обращаться.

— Благодарю вас, — сказала я тихо.

Он покачал головой.

— Не спешите благодарить. Здесь вам больше нельзя оставаться.

Я знала, что услышу именно это. И все равно сердце сжалось.

Он продолжил:

— Школа — слишком открытое место. Любое письмо, любая случайная встреча, любой человек из вашего прошлого или прошлого настоящей мисс Симоне может разрушить все.

Я села. Не от слабости. А от внезапного чувства утраты. Школа Святой Агнессы была не домом. Но это было первое место, где я научилась снова дышать.

Где боль хотя бы иногда становилась тише.

— Куда же мне идти? — спросила я.

Чарльз пододвинул ко мне письмо.

— Я нашел вам другое место.

Конверт был подписан строгой рукой. Печать незнакома.

— Это от леди Ашборн, — продолжил он. — Ей нужна учительница и компаньонка при внучке.

— Внучке?

— Девочке семь лет. Умна, избалована не слишком, но сложна по характеру и, как мне кажется, очень одинока. Я сам занимался с ней некоторое время, пока не принял место директора в Святой Агнессе. Теперь я не могу ездить так далеко.

— И вы рекомендуете меня?

Он посмотрел на меня с мягкой усталостью.

— Да.

Я опустила глаза на письмо.

Леди Ашборн. Новое имя. Новый дом. Новая попытка спастись под другой крышей.

— Когда?

— Завтра утром, если вы согласны.

Я закрыла глаза.

Снова уходить. Снова не успев пустить корни.

— Я согласна.

Я не хотела пышных прощаний. Но дети, как всегда, почувствовали перемену раньше взрослых.

На следующее утро Мэри Элдридж подошла ко мне на уроке с таким лицом, будто уже знала нечто дурное.

— Мисс... вы уезжаете?

Я кивнула. И этого оказалось достаточно.

Младшие девочки зашептались. Кто-то заплакал. Мисс Лоуэлл сморкалась в платок уже открыто. Мисс Харрингтон сказала, что временные кадры редко бывают надежны.

Некоторые подошли попрощаться. Другие только смотрели. Кто-то сунул мне в руку первоцвет. Кто-то письмо. Мэри молча протянула маленький рисунок: ручей, склон и женщина в темном платье у воды.

— Я вас запомню, — сказала она.

У меня защемило сердце. Я наклонилась и поцеловала ее в лоб.

Когда я вышла из школы, небо было ясным, а ветер пах новой травой. Но вместо радости весны я вдруг ощутила ту давнюю, знакомую боль: я снова ухожу из места, где могла бы однажды стать собой, и даже не знаю, ждут ли меня впереди новые стены или новая гибель.

Машина ждала у ворот.

Чарльз помог уложить мой чемодан, потом закрыл дверцу и сел рядом.

Некоторое время мы ехали молча.

Поля шли волнами. По склонам текли ручьи. На изгородях сидели птицы. Тонкие облака плыли высоко, не скрывая солнца, но делая свет мягче.

— Расскажите мне о ней, — попросила я наконец. — О леди Ашборн.

— Она вдова, — ответил Чарльз. — Очень благородна. Очень умна. И не терпит пустословия.

— Уже страшно.

Он улыбнулся.

— Не бойтесь. Она может быть суровой, но редко бывает несправедливой.

— А внучка?

— Девочка сложная. После смерти родителей долго жила не в этом доме. Плохо переносит перемены. Не любит лишних людей и почти не смеется.

— Вы говорите о ней так, будто она дикий зверек.

— Иногда это близко к истине.

Он замолчал. Я же погрузилась в пучину мыслей. Время тянулось медленно. И вот к концу второго часа мы свернули с дороги на длинную подъездную аллею.

И тогда дом открылся передо мной.

Он стоял на пригорке, каменный, широкий, молчаливый, с высокими трубами, старой башенкой и окнами, в которых отражалось весеннее небо. По обе стороны от лестницы тянулись розарии, пока еще не цветущие, но уже полные темной, упругой жизни. За домом виднелись старые деревья, чьи ветви только начали одеваться молодой зеленью. На гравии лежали влажные полосы света.

Одна высокая, сухоплечая, в черном платье, с лицом строгим и неподвижным, как полированное дерево. Это, как позже оказалось, была экономка, миссис Грей.

Вторая полная, уже немолодая, в темно-синем платье и кружевном воротничке, с внимательными карими глазами. В ней чувствовалась та особая привычка быть незаметной, без которой не выживают рядом с аристократией долгие годы. Это была миссис Уолтон, личная помощница леди Ашборн.

А сама леди стояла в глубине холла.

Высокая. Прямая. Серебристые волосы убраны безукоризненно. На ней было темное платье такого кроя, который сразу говорил о старом воспитании и неизменной привычке держать спину как знамя рода. Лицо у нее было сухое, острое, почти красивое своей сдержанностью. И глаза, холодные, серо-голубые, умеющие видеть больше, чем им показывают.

Мое сердце сжалось. Я медленно приблизилась к ней и, сделав поклон, проговорила:

- Мисс Симоне к вашим услугам, миледи.

Глава 6. Дом леди Ашборн

Это был старинный английский дом. Один из тех, которые возводились еще в те времена, когда мужчины носили доспехи, а на щитах писали имя своих дам сердца.

Он оказался не мрачным, как я ожидала, а молчаливым. Английская роскошь, не та, что блистает позолотой, хрусталем и десятками голосов, как приемы в колониальных домах Лаоса, а та, что годами накапливает достоинство в камне, дереве, старом серебре, коврах и в самой привычке к пространству.

Особняк стоял на пригорке, окруженный террасами, еще не расцветшими розариями, лужайками и аллеями старых деревьев, чьи ветви уже начали зеленеть. Каменный фасад светлел под бледным английским солнцем.

Внутри было прохладно. Пол в холле был выложен темным деревом, стертым у порогов до шелкового блеска. На стенах висели портреты, не слишком броские, но явно старые и дорогие. Где-то очень далеко тикали часы. Пахло полированным дубом, пылью, лавандой, затухающими углями в камине и еще чем-то, что всегда бывает в старых аристократических домах, запахом непрерывности, ведь здесь жили не годы, а целые поколения, и они все еще не до конца ушли.

— Мисс Симоне, — и строгие глаза леди Ашборн остановились на моем лице. — Мистер Джойс отзывался о вас сдержанно. Это хорошо. Люди, которых слишком хвалят, редко оправдывают ожидания.

Я сделала легкий поклон.

— Надеюсь, миледи, я не причиню вам разочарования.

Леди Ашборн ничего не ответила и отвернулась к камину, показывая, что разговор окончен.

Миссис Грей повела меня в сторону моей комнаты.

— Обед подают в час, чай в пять, ужин в семь, — мерно цедила она слова. — Восточное крыло отапливается. Западное закрыто, оно старое, требует ремонта. Окна там открывать не велено. В некоторые комнаты вход запрещен. Библиотека, утренняя гостиная, малая музыкальная комната и школьная — в вашем распоряжении. Девочка любит исчезать, но далеко не уходит.

— Как зовут девочку? — спросила я.

Миссис Грей замедлила шаг.

— Кэти Ашборн.

— Ей семь?

— Почти восемь.

— Мистер Джойс говорил мне, что ее родители погибли. Она их помнит?

Миссис Грей остановилась и повернула ко мне голову.

— Мисс Симоне, — начала она холодным тоном, — хочу сразу предупредить о главном правиле этого дома — не задавать вопросов. Здесь это не любят. Или вам быстро укажут на дверь.

Я замолчала, и дальше мы шли по сумрачному коридору в тишине.

Первый день я провела в почти праздном блуждании по дому.

Моя ученица так и не появилась.

Мне сказали, что она неважно перенесла перемену в доме и потому сегодня не выйдет. Я кивнула, делая вид, что верю. Но слишком хорошо знала детскую натуру, чтобы не понять: девочка прячется.

Придя как-то на кухню, я услышала, как шептались кухарка с горничной.

- Говорю тебе, Мардж, эта финтифлюшка и недели здесь не продержится, - хихикала кухарка, - вспомни предыдущую учительницу, мисс Питерс, сбежала аж через четыре дня. Эта и столько не задержится.

Я тяжело вздохнула. Мне дали новое место и убежище, но и его я могу потерять слишком быстро, если не найду язык с загадочной мисс Кэти.

Я обращалась к прислуге, к экономке и личной помощнице миссис Уолтон, но все отводили глаза и говорили что-то о сложном нраве девочке.

И мне ничего не оставалось другого как целыми днями исследовать дом.

Дом был устроен так, будто кто-то однажды решил, что простор и уединение можно примирить. Восточное крыло жило: здесь топились камин, пахло чаем, углем, собаками, бумагой, полированным деревом, чистым бельем. Здесь стучали шаги служанок, открывались и закрывались двери, горел свет, говорили в полголоса. В утренней гостиной стоял рояль, накрытый серым чехлом. В школьной комнате низкие полки с книгами, глобус, коробка с карандашами, карты и детская мольбертная доска. В библиотеке темное дерево, ковры, старые кресла и запах кожаных переплетов, который я сразу полюбила.

Западное крыло, напротив, было закрыто. Как-то раз после обеда я не сдержала своего любопытства, и, пройдя длинную галерею с высокими стрельчатыми окнами, дошла до закрытого крыла. К нему вела тяжелая дубовая дверь, которая открылась со скрипом. Я медленно пошла по сумрачному коридору под звуки своих шагов. Это место было выключено из жизни. Камин не топили. Шторы были опущены. Воздух стоял холодный, затхлый, с запахом пыли, давно не проветривавшихся тканей и ушедшего времени.

Под ногами хрустел пыльный ковер. На стенах висели выцветшие гравюры с охотничьими сценами — лошади, лисы, собаки в прыжке, красные камзолы, скачка по полям. Все в этом крыле говорило не о смерти, а о заброшенности. Как будто когда-то здесь тоже была жизнь, яркая, шумная, богатая, просто однажды ее решили сдвинуть в сторону и оставить стареть без свидетелей.

Я шла дальше.

В конце коридора оказалась старая комната, круглая по форме, с тремя окнами и поблекшими голубыми обоями, на которых едва проступали рисунки птиц и цветов. Пыль лежала на подоконниках таким толстым слоем, что в ней можно было писать пальцем. На стене висело поблекшее зеркало, в котором отражалось окно и мое бледное лицо, вдруг показавшееся совсем чужими.

И именно здесь я увидела узкую боковую дверь. Осторожно открыв ее, я увидела, что она вела на маленькую лестницу. Деревянную. Крутую. Почти скрытую за обшивкой стены.

Я спустилась по ней и неожиданно оказалась в саду. Он был заросшим, диким и прекрасным.

Когда-то, вероятно, здесь был розарий или маленький декоративный парк. Теперь же дорожки почти исчезли под травой, сирень росла как хотела, каменные вазоны накренились, плющ захватил часть стены, а в центре стояло старое дерево, раскидистое, с толстыми ветвями, еще не полностью одевшимися молодой листвой.

Ветер был тише, чем на открытых полях. Пахло влажной землей и цветами. Птицы здесь пели особенно звонко, как будто этот уголок дома уже давно не принадлежал людям и потому снова стал их царством.

Я остановилась.

И только тогда заметила движение в ветвях.

Сначала мне показалось, что это птица. Или кошка. Но нет.

На широкой ветке, метрах в двух над землей, сидела девочка.

Светлые локоны. Бледное лицо. Голубые глаза, огромные и почти прозрачные в зелени листьев. Тонкие ноги в белых чулках свисали вниз. На ней было простое светлое платье, и вся она напоминала фарфоровую куклу, которую кто-то слишком небрежно оставил на дереве.

Мы смотрели друг на друга молча.

Она не испугалась. Я тоже.

— Так вот где прячется мисс Кэти Ашборн, — улыбнулась я, приближаясь к дереву.

Глава 7. Девочка на дереве

— Так вот где прячется мисс Кэти Ашборн, — улыбнулась я, приближаясь к дереву. Девочка не ответила.

Она сидела на широкой ветке так спокойно, будто это место принадлежало ей по праву рождения, и никто на земле не мог потребовать, чтобы она слезла. Светлые локоны лежали на ее плечах, белые чулки чуть морщились на коленях, а в огромных голубых глазах не было ни детской паники, ни стыда, только настороженная, холодноватая оценка. Такими глазами, смотрят не дети, а маленькие старики.

— Вы не должны были меня искать, — строго произнесла она.

Голос ее оказался тихим и ясным, очень английским, с тем правильным выговором, который взрослые вбивают в ребенка задолго до того, как он поймет смысл многих произносимых слов.

— А я и не искала, — улыбаюсь. — Просто гуляла и увидела, что на вашем дереве уже кто-то живет.

В уголках ее губ мелькнуло что-то похожее на недоверчивое удивление.

— Уходите! Это не ваше дерево.

— Я не претендую.

Она помолчала.

Потом с достоинством сообщила:

— И на него нельзя забираться всем подряд.

— Вот как? — хмыкаю.

— Да.

Я подняла голову и посмотрела вверх.

Дерево было старым, сильным, с толстыми ветвями, покрытыми молодой, еще нежной зеленью. Не чинара или жакаранда, по которым я, бывало, лазила в Лаосе, но тоже вполне сойдет.

Я положила ладонь на ствол дерева. Не думая больше, я подхватила юбку и начала карабкаться вверх.

— Что вы делаете? — ахнула Кэти, впервые за весь разговор по-настоящему удивившись.

— Как видите, нарушаю ваше правило, мисс Кэти.

— Вы не сможете.

— Это мы еще посмотрим.

Ветка была скользкой от сырости и мха, но тело мое вдруг вспомнило старую ловкость, которой я не пользовалась так давно, что уже почти считала ее утраченной. Через минуту я уже сидела напротив девочки, придерживая рукой шаль и стараясь не думать о том, как нелепо, должно быть, выгляжу со стороны: взрослая учительница в сером платье и очках, забравшаяся на дерево ради знакомства с ребенком.

Кэти смотрела на меня во все глаза.

— Вы же старая! Да, к тому же учительница!

Я с важностью расправила юбку и отряхнула рукав пиджака.

— Значит, у меня есть шанс показаться вам не совсем отвратительной.

— Я этого не говорила.

Некоторое время мы сидели молча.

Отсюда сад леди Ашборн выглядел совсем иначе. Видно было старую каменную стену, ползаросшую плющом. Озеро внизу. Кусты сирени. Темную линию дальних деревьев. И небо, высокое, чистое, почти весенне-ласковое.

— Как же красиво! — вздохнула я, любуясь открывшимся видом. — Теперь я понимаю вас, мисс Кэти, почему вы предпочли этот заброшенный сад и это дерево. Вид здесь по-настоящему сказочный.

Она молчала, и потому я продолжила.

— В детстве я тоже часто лазила по деревьям, и за это моя нянюшка ох как ругала меня.

— У вас была няня? — вскинула девочки в удивлении брови.

А я прикусила губу. Могла ли быть у настоящей Жослин в детстве няня? Таких подробностей я не знала. Но мне хотелось как-то разговорить девочку. Она продолжала смотреть на меня слишком серьезно и недоверчиво.

— Отсюда видно такое чудесное озеро. Наверняка на нем было бы очень приятно покататься на лодке? Вы катались на лодке, мисс Кэти?

Девочка перевела взгляд вдаль, туда, где в лучах весеннего солнца золотились воды озера.

— Да, но очень давно, — ответила она после короткой паузы.

— Хочешь, мы как-нибудь вместе покатаемся? — предложила я, подсаживаясь чуть ближе.

Но это вызвало взрывную реакцию.

- Не хочу! Отстаньте от меня!

И с ловкостью, которой могут позавидовать обезьяны джунглей, мисс Кэти перепрыгнула на другой сук и очутилась на земле. Через мгновение она уже скрылась в густых зарослях боярышника.

Я вздохнула. Что ж, первое знакомство вышло не очень. Но хотя бы я теперь понимаю, что имел ввиду мистер Джойс, когда описывал свою бывшую ученицу. Сирота, живущая со строгой и холодной бабушкой, в доме, который слишком большой и пустой для такой маленькой девочки. Мистер Джойс рассказывал, что сам оставил это место, так как его назначили директором в школе, а вот остальные учительницы похоже действительно просто бежали, не выдержав тяжелого характера девочки.

Но, возможно, путь к ее сердцу все-таки существует. И я должна отыскать его.

Помимо миссис Грей, экономки, и миссис Уолтен, помощницы леди Ашборн, в доме жила некая мисс Эми Дженкинс.

Юная особа лет восемнадцати, приходившаяся миссис Уолтен внучкой. Она недавно вернулась из закрытого пансиона для благородных девиц, цитировала немецких классиков, и в целом держала себя с заносчивым высокомерием.

Когда меня представили ей, она окинула меня быстрым взглядом, в котором я сразу прочитала, насколько выше по статусу она себя считает.

Леди Ашборн находила общество этой особы приятным и каждый вечер приглашала ее в гостиную, выпить чай и почитать что-нибудь из Шиллера. Рядом с хозяйкой поместья мисс Эми Дженкинс менялась до неузнаваемости. Голос ее менялся, становился медленным и ласковым, как у мурчащих кошек, взгляд светло-голубых глаз теплел, она окружала пожилую леди заботой, на которую так падки старики.

В тот день она застала меня у школьной комнаты, где я безуспешно пыталась убедить мисс Кэти хотя бы сесть к столу.

Девочка уже исчезла, оставив только раскрытый альбом и след грязного башмачка на ковре.

— Бесполезно, — хмыкнула Эми, прислонившись к двери. — Мисс Кэти всегда сначала смотрит, а потом решает, стоит ли вообще замечать нового человека.

— Благодарю за столь обнадеживающее замечание.

Она пожала плечами.

— Я лишь говорю правду.

— Что ж, это редкость в доме, где все так любят недомолвки.

Глаза ее чуть сузились.

— Вы быстро начали судить о людях, мисс Симоне.

— А вы — о мне.

Она улыбнулась.

— Вы не похожи на гувернантку.

— Это упрек?

— Наблюдение.

Эми медленно приблизилась ко мне. Я заметила, что она одевалась очень тщательно. Достаточно скромно, чтобы не навлечь упрек пожилой леди, но при этом выбирая платья самого модного кроя, выгодно подчеркивавшие ее красивые изгибы тела.

— Хотите, я дам вам одну подсказку, мисс Симоне? – улыбнулась она приветливо, но глаза ее оставались холодными. – После этой подсказки мисс Кэти полюбит вас, и вы не потеряете своего места.

Я напряглась.

- Подсказку, мисс Дженкинс? Что же это может быть?

Она наклонилась ко мне и заговорщицки прошептала:

— Вы же знаете, как строга леди Ашборн, не так ли? Никаких детских шалостей, никаких сладостей.

Эми сделала паузу, а потом выдохнула:

- А вы наверняка знаете, как дети любят сладости.

Я молчала, Эми выпрямилась и так же с улыбкой вышла из класса, оставляя после себя тонкий аромат жасмина, похожий на жасминовое масло, которое делали наши лао на плантации, разве что аромат, исходящий от Эми, был более резким.

Мне была неприятна Эми Дженкинс, я кожей ощущала исходящую от нее опасность. И все же после ее ухода задумалась.

В школе Святой Агнессы ученицам так же не давали сладостей, только на особые праздники вроде Рождества или Пасхи, ну и на престольный праздник капеллан выносил в корзинах яблоки в карамели.

И только я стала приносить в класс шоколадные конфеты, чтобы отметить чей-нибудь день рождения. Девочки очень радовались такому угощению. И в тот раз мне действительно удалось расположить к себе тех, кто еще смотрел на меня с недоверием. Но сработает ли такой подход с мисс Кэти?

Я поднялась и подошла к окну. Заканчивалась вторая неделя моего прибывания здесь. Утром миссис Грей намекнула, что, если уроки не начнутся в ближайшие дни, леди Ашборн даст мне расчет. И тогда я окажусь за дверью. Больше мне не у кого просить помощи, некуда идти. К мистеру Джойсу я не посмею обратиться, он и так сделал для меня слишком много.

В ближайшей деревне была маленькая лавка.

После полудня я сходила туда сама и купила коробку шоколадных конфет в красивой синей бумаге. Дорого, по школьным меркам, но не настолько, чтобы задуматься о подвохе. Кондитер завернул их с такой важностью, будто продавал не сладости, а украшение.

Вечером, когда воздух наполнился упоительным благоуханием первых цветов. Я прошла в тот заброшенный сад и села на траву под деревом. С собой я захватила бумагу для рисования и цветные мелки. Развернув одну конфету, отправляю ее себе в рот.

Шоколад был темный, чуть горьковатый, с ореховой начинкой.

Через несколько минут сверху тихо хрустнула ветка.

Я не подняла головы.

— Если это ловушка, то она довольно слабая, — раздался сверху голос Кэти.

Я чуть улыбнулась.

— А если это просто угощение?

— Меня обычно пытаются заманить книжками и нотациями.

— Полагаю, шоколад честнее.

Молчание. Потом шорох.

Когда я все же подняла глаза, девочка уже сидела ниже обычного, свесив ноги с ветки и смотря не на меня, а на коробку.

— Вы привезли их для себя?

— Разумеется. Я ужасно жадная.

Она спрыгнула так быстро, что я едва успела спрятать тревогу за улыбкой.

Через секунду уже стояла рядом, настороженная, серьезная, но явно заинтригованная.

Я протянула ей конфету.

Она взяла, развернула, быстро посмотрела на меня и только потом положила в рот.

— Хорошие, — сказала она после паузы.

— Приятно слышать, — говорю, едва сдерживая улыбку.

Я решила сделать вид, что не обращаю внимания на маленькую сладкоежку, и опустила глаза к рисунку, который уже начала.

Шуршание продолжилось. Потом пауза.

— Что это вы такое рисуете? — спросила девочка, выглядывая у меня из-за плеча.

Ее фарфоровые щечки были перепачканы шоколадом, а в красивых глазах впервые загорелось простое детское любопытство.

Я повернула к ней лист с рисунком.

- А на что это похоже, мисс Кэти?

Девочка задумалась.

- Хм... Какой-то лес и дворец...

Я улыбнулась.

- Это не просто дворец, а Храм Короля Обезьян, и это не лес, а заповедные джунгли, где не ступала нога человека.

Девочка молчала, во все глаза разглядывая причудливую крышу, золотые статуи обезьян, потрескавшиеся камни, сквозь которые пробивалась трава.

- А там есть сокровища? — спросила она шепотом.

- Конечно, — хмыкнула я, — видишь у обезьян зеленые глаза? Так это самые настоящие изумруды величиной с кулак.

- С кулак! — ахнула девочка, прижав руки к груди.

- Да-да, — улыбаюсь и понижаю голос, заглядывая в расширенные от удивления глаза мисс Кэти, — но и это не самое главное сокровище. В самой глубине в величественной зале на возвышении стоит трон, сделанный из чистейшего золота. И только истинное божество может сидеть на нем, а нечистых обычных смертных, кто возжелает прикоснуться к нему, поразит укус черной кобры. Но хочешь раскрою тебе одну тайну?

Девочка позабыла о шоколадных конфетах, жадно слушая каждое слово.

- Какую тайну? Какую, мисс? — вскричала она от нетерпения, подсаживаясь ближе.

- Только тише, — я поднесла палец к губам, — когда-то я сидела на этом троне и повелевала кобрами.

Девочка стиснула руки и посмотрела на меня. А я спустила с носа очки и улыбнулась.

- Я поняла, мисс, — прошептала она, едва дыша, — вы не учительница, вы — принцесса... Заколдованная принцесса!

Я приблизилась к ее уху и заговорщицки прошептала:

- Только обещайте мне, мисс Кэти, что никому и никогда не расскажите о моей тайне. Иначе в то же мгновение, когда кто-то узнает о том, кто я есть на самом деле, я обернусь птицей и улечу прочь.

- Да, конечно, мисс... то есть да, я поняла! Я никому и никогда не расскажу о вас. Только умоляю, нарисуйте тот самый золотой трон!

Мы сидели рядом на траве — женщина в сером платье и бледная девочка с фарфоровым лицом, и ели шоколад, рисуя и наслаждаясь нежными звуками весны.

Вечером, уже вернувшись к себе в комнату и переодевшись ко сну, я задумчиво смотрела в окно.

Да, сегодня я была неосторожна, рассказав об эпизоде своего прошлого, того самого прошлого, которое я так отчаянно пыталась скрыть. Но, с другой стороны, та жизнь на плантации в Лаосе иногда и в самом деле походила на волшебную сказку.

- Только с печальным концом, - грустно улыбаюсь в темноту.

Меня позвали сразу утром, едва я приготовилась идти на завтрак.

Миссис Грей вошла в библиотеку без стука впервые на моей памяти, и лицо у нее было таким, что я мгновенно встала.

— Леди Ашборн требует вас к себе. Сейчас же.

В комнате леди Ашборн пахло лавандой, лекарством и раздражением.

И у окна, чуть в стороне, я увидела Эми Дженкинс.

Ее лицо было безмятежно. Едва завидев меня, она чуть улыбнулась, но в глазах ее читалось злобное торжество.

Леди Ашборн сидела прямо, как судья.

— Вы дали ребенку шоколад? — спросила она сразу, пронзая меня ледяным взглядом.

Я не стала отпираться.

— Да, миледи.

Леди Ашборн медленно поднялась, ее лицо потемнело.

— Мисс Симоне, еще ни один учитель не допускал настолько вопиющую оплошность. Дать шоколад ребенку, у которого аллергия на сладкое. Это возмутительно! Немедленно покиньте этот дом!

Пальцы холодеют, а земля уходит из-под ног.

Глава 8. Испытательный срок

— Мисс Симоне, еще ни один учитель не допускал настолько вопиющую оплошность. Дать шоколад ребенку, у которого аллергия на сладкое. Это возмутительно! Немедленно покиньте этот дом.

Слова леди Ашборн прозвучали не громко.

Именно поэтому они ударили так сильно.

Комната будто застыла. Пахло лавандой, лекарством и теплой золой из камина. Кэти, укутанная в плед, сидела в кресле, бледная и покрытая красноватыми пятнами сыпи. У ее ног стояла миссис Уолтон с чашкой настоя. У окна, чуть в стороне, замерла Эми Дженкинс, и в этой ее подчеркнутой неподвижности было столько скрытого злорадства, что меня на мгновение бросило в жар.

Я ощущала, как горят мои щеки. Как сердце медленно и тяжело бьется в груди. Как все пространство вокруг стало тоньше, острее, почти стеклянным.

Мне следовало бы защищаться. Оправдываться. Сказать, что я не знала. Что меня ввели в заблуждение. Что кто-то посоветовал.

Но что-то во мне воспротивилось этой мысли.

Я знала: если сейчас попытаюсь переложить вину, стану в этом доме еще меньше, чем уже стала.

И потому я только произнесла:

— Простите меня, миледи.

Леди Ашборн смотрела так, будто отмеряла мою цену по каплям.

— Простить вас? — повторила она холодно. — Это слово слишком легко сходит с губ людей, которые не знают последствий собственной небрежности.

Я опустила глаза.

Тут дверь открылась, и в комнату вошел доктор.

Невысокий сухощавый мужчина в поношенном черном сюртуке, с серебряными очками и руками, пахнущими спиртом и мятой. Он поклонился хозяйке дома и сразу подошел к Кэти.

Мы молчали, пока он осматривал девочку. Доктор ощупал ей запястье, шею, посмотрел горло, лицо, спросил о дыхании и наконец выпрямился.

— Приступ неприятный, но не опасный, миледи, — сказал он. — К утру сыпь спадет. Пугает сильнее, чем вредит. Нужно только не давать сладкого и пару дней держать ее подальше от солнца.

Комната словно выдохнула.

Миссис Уолтон опустила плечи. Кэти незаметно уткнулась глубже в плед. Эми отвела глаза к окну.

Только леди Ашборн не изменилась в лице.

— Благодарю вас, доктор, — сказала она.

Он поклонился и вышел.

Наступила пауза. Очень долгая.

Я стояла, не шевелясь, и ждала приговора.

Наконец леди Ашборн медленно поднялась с кресла. Ее серые холодные глаза пронзали меня насквозь, словно иглы.

— Вы останетесь в доме до тех пор, пока я не найду вам замену, — произнесла она медленно. — Но отныне вы работаете здесь не по доверию, а на испытании. Любая следующая ошибка, и вы уедете в тот же день, мисс Симоне. Понимаете меня?

— Да, миледи, — отвечала я с поклоном.

— Хорошо.

Она перевела взгляд на Эми.

— Мисс Дженкинс, вы проводите мисс Симоне до комнаты.

Эми слегка побледнела.

Я поняла, что ей совсем не по вкусу быть приставленной ко мне, да еще в такой момент.

— С удовольствием, миледи, — сказала она, однако голос ее был чересчур ровным.

В коридоре она заговорила первой.

— Вам необыкновенно повезло, мисс Симоне.

Тон был вежливый. Слишком вежливый. Как тонкий нож, обернутый лентой.

— Вы так считаете?

— Разумеется. Обычно бабушка... — Она осеклась. — То есть миледи не оставляет в доме тех, кто причиняет вред ребенку.

Я остановилась и повернулась к ней.

— Вы очень заботитесь о ребенке, мисс Дженкинс.

Она улыбнулась.

— Все в этом доме заботятся о мисс Кэти.

— Странно. Потому что никто не счел нужным предупредить меня о ее слабости к шоколаду. А вы даже советовали предложить его девочке.

Ее губы дрогнули.

- Конечно я посоветовала, но мне и в голову не приходило, что вы побежите сразу покупать конфеты для мисс Кэти. Это такой странный поступок, мисс Симоне.

Мы стояли друг напротив друга в длинном пустом коридоре, где пахло полировкой, старыми коврами и сквозняком из западного крыла. Весенний свет уже уходил, и в окнах мутнел ранний вечер. На лице Эми играла та самая улыбка, которой женщины прикрывают свою вражду.

Внутри нарастала ярость. Та самая ярость, которая заставляла меня совершать в прошлом необдуманные поступки. Но сдержать ее я была не в силах – кровь горячим ключом била в висках.

Я резко шагнула к мисс Дженкинс, оказавшись к ней лицом к лицу. В нос ударил искусственный запах жасмина.

- Имейте в виду, мисс Дженкинс, - заговорила я совершенно другим тоном, - что я не люблю, когда из меня делают дуру. И если вы думаете, что я спущу вам с рук подобные выходки, то вы весьма глупы.

Под силой моего взгляда Эми быстро заморгала и отступила, явно растерявшись. Видимо избалованная внучка личной помощницы решила, что нашла в моем лице смиренную жертву, над которой она сможет издеваться. Но мой тон и мои слова поразили ее.

- Вы просто гувернантка, - зло усмехнулась она, сбросив наконец маску, - обычная служанка. Сегодня вы, завтра – другая.

Я улыбнулась и покачала головой.

- Но и вам не стоит забывать, мисс Дженкинс, что такие люди, как леди Ашборн, могут сколь угодно раздавать привилегии своим приближенным, но никогда не забудут, что вы – всего лишь родственница прислуги. И кстати, мисс Дженкинс, вы ведь не работаете, так? То есть вы к тому же еще и нахлебница.

На этот раз она побледнела уже по-настоящему.

Но тут же выпрямилась.

— Вы не продержитесь здесь долго.

— Возможно, — ответила я. — Но пока я здесь, постарайтесь хотя бы не подводить свою бабушку таким дешевым коварством.

Ее глаза вспыхнули. Она ничего не сказала в ответ. Только резко развернулась и пошла прочь по коридору

Я смотрела ей вслед и думала: да, теперь у меня действительно появился враг.
Этим вечером ужин подали мне в комнату.

Миссис Грей объяснила это сухо и почти оскорбительно-вежливо:

— Миледи полагает, что после случившегося вам лучше отдохнуть и не смущать дом своим присутствием.

Я поблагодарила ее так спокойно, как только могла.

Но, когда за ней закрылась дверь, позволила себе бессильно опуститься в кресло и закрыть лицо руками.

Слишком много всего в этом доме решалось без слов. Холодом. Интонацией. Поворотом головы. Паузой.

В Лаосе люди кричали, плакали, били посуду, спорили и проклинали. Здесь же могли унижить так, что даже голос не повышался.

Я долго сидела у окна.

Мне следовало бы чувствовать облегчение. Я ведь осталась. Не изгнана. Еще не выброшена за ворота.

И все же внутри было тяжело.

Не от страха. Не от стыда. А от той почти детской усталости, которая приходит, когда ты на мгновение поверил, что нашел дорожку к чьему-то сердцу, а потом снова оказался один у закрытой двери.

Когда я уже собиралась гасить лампу, в дверь тихо стукнуло что-то маленькое.

Я вздрогнула.

Открыла дверь.

На пороге лежала синяя конфетная обертка, сложенная очень аккуратно.

И рядом маленький сиреневый цветок, сорванный, должно быть, у старого дерева.

Я долго смотрела на эти две вещи.

Потом очень осторожно взяла их в ладонь.

Кэти.

Значит, все не напрасно. Значит я все-таки здесь остаюсь.

Глава 9. Секрет мисс Кэти

Утро стояло ясное.

То самое английское весеннее утро, которое не кричит о своей красоте, как Лаос, а раскрывается тонкими касаниями: бледным золотом на траве, каплями росы в молодой листве, легким паром над клумбами, запахом мокрой земли и сирени, и птичьим щебетом, еще осторожным, но уже все более уверенным.

Я сидела у круглого стола под окнами утренней гостиной и сортировала тетради, хотя в доме леди Ашборн никаких тетрадей мне пока еще не поручали. Скорее это было занятие для собственных рук.

Я подняла глаза, услышав шаги по гравии.

Кэти шла по дорожке между клумбами с таким видом, будто делает мне большую честь своим появлением. На ней было синее платье с белым воротничком, светлые волосы мягко блестели в утреннем свете, а в руках она держала веточку цветущего терна.

Остановилась в трех шагах от меня.

— Доброе утро, мисс Симоне.

Голос звучал нарочито спокойно.

Я не удержалась от улыбки.

— Доброе утро, мисс Ашборн.

Пауза.

— Вы не очень сердитесь? — спросила она, глядя куда-то мимо меня, на кусты роз.

— За что именно?

Она помолчала.

— За то, что я взяла шоколад и не сказала.

— Сердиться на детей за то, что они любят сладкое, было бы несколько поздно, мисс Кэти.

Она перевела на меня быстрый взгляд.

— Но бабушка вас наказала.

— Да.

— И вы все равно остались.

— Как видите.

Кэти поджала губы и задумалась, потом произнесла:

— Мой пони сегодня опять укусил конюха. Хотите я покажу вам своего Принца?

— Полагаю, — сказала я наконец, — это означает приглашение?

Впервые за всю эту сцену у нее в глазах мелькнула живая искра.

— Может быть.

Я встала.

— Тогда я, пожалуй, приму его, пока вы не передумали.

Конюшни пахли сеном, кожей, навозом, овсом и теплыми крупными животными. Этот запах неожиданно ударил мне прямо в сердце, не болью, а почти облегчением. В нем было что-то древнее, домашнее, вне времени. Лошади пахнут почти одинаково в любой стране, и на миг мне показалось, что между Лаосом и Англией протянулась тонкая, но живая нить.

Кэти тащила меня дальше в стойла.

— Он там, — проговорила она, задыхаясь от быстрого шага.

Он оказался маленьким пони цвета темного меда с черной гривой, большими настороженными глазами и упрямо прижатыми ушами. Стоило ему увидеть Кэти, как он дернул головой, переступил копытами и фыркнул с таким выражением, будто заранее не согласен ни с чем, что предложит мир.

— Его зовут Принц, — торжественно представила Кэти пони.
Я улыбнулась.

— Очень смелое имя для существа такого роста.

Она бросила на меня почти оскорбленный взгляд.

— Он не маленький. Просто компактный.

Я не сдержала смеха.

— Простите. Тогда, безусловно, у вас очень внушительный и грозный скакун.

Принц подошел и уткнулся теплым носом мне в ладонь. Потом попытался потянуть зубами край моего рукава.

— Вот видите, — строго сказала Кэти, — он вас уже любит.

— Или проверяет на съедобность.

— Он так делает только с хорошими людьми.

Мы провели вместе целый день, и после обеда Кэти даже согласилась сесть за парту и прописать несколько французских глаголов.

Я наблюдала за ее склоненной над тетрадкой головкой и не могла сдержать радостной улыбки.

Постепенно, капля за каплей этот дом начал меня принимать. И в сердце затеплилась надежда, что хотя бы на короткий срок я смогу найти себе тут убежище.

Чарльз Джойс приехал в субботу.

Я увидела его еще из окна школьной комнаты, хотя теперь это уже была не школьная комната, а светлая малая гостиная восточного крыла, где я занималась с Кэти чтением, письмом и рисованием. По утрам здесь было особенно много света: он стекал с высоких окон на темный паркет, касался старых глобусов, коробок с карандашами, шелковых занавесей и бледного овального лица самой Кэти, когда она, нахмурившись, выводила буквы своим четким, слишком взрослым почерком.

В тот день мы складывали из цветной бумаги маленькие корзинки для первоцветов, и я уже начала подозревать, что искусство вырезать ровные полоски не является природным дарованием мисс Кэти. Она держала ножницы с таким выражением лица, будто оказывает бумаге огромную милость, вообще соглашаясь ее трогать.

Потом Кэти подняла глаза. Посмотрела туда же, куда смотрела я. И, заметив машину, въезжающую в аллею, мгновенно оживилась так, как оживлялась редко.

— Это мистер Джойс.

Через несколько минут он уже шел по коридору быстрым шагом, все так же неся под мышкой папки, письма и, кажется, половину всего, что, по его мнению, нельзя было оставить без внимания даже в выходной день. Весенний воздух сделал его моложе: лицо было оживлено, в глазах светилась та теплая, чуть смущенная энергия, которая шла ему гораздо больше, чем строгая школьная деловитость.

Он вошел, поклонился мне и тут же обратился к Кэти:

— Надеюсь, мисс Ашборн не слишком мучает мисс Симоне своим блестящим характером?

Кэти чуть пожала плечами.

— Сегодня я была почти образцовой.

— О, тогда мне явно повезло приехать в исторический момент, — заметил он.

Я увидела, как уголки губ девочки чуть дрогнули.

Чарльз Джойс умел говорить с ней так, будто не боялся ни ее молчания, ни упрямства. Именно поэтому, вероятно, она и позволяла ему оставаться в числе немногих взрослых, которых еще не сочла скучными.

Он пробыл с нами недолго. Поговорил с Кэти о книгах, посмотрел ее почерк, похвалил рисунок пони, изображенного как нечто среднее между античным конем и разъяренной кошкой, а потом, уже выходя, обернулся ко мне.

— Если вы не заняты после чая, мисс Симоне, — сказал он, — я хотел бы показать вам с мисс Кэти то место, о котором недавно говорил. Склон за южным ручьем. Теперь он, наверное, в полном цвету.

— Если миледи не будет возражать, — ответила я.

— Бабушка не будет против! — тут же вмешалась девочка, вскакивая на ноги.

После чая мы пошли втроем.

Пешком, потому что день стоял такой ясный и мягкий, что грех было бы прятаться в машине. Воздух был прохладен, но в нем уже чувствовалась живая, настойчивая сладость молодой листвы. Над старыми яблонями кружились мелкие пчелы. На траве блестели капли, еще не до конца высохшие после ночной росы. И весь мир, казалось, был натянут тонкой струной ожидания: вот-вот что-то окончательно раскроется, распустится, станет собой.

Кэти сначала шагала рядом, но потом, как часто бывало с детьми, внезапно устремилась вперед, то к кусту с первыми цветами, то к низкой ограде, то к пони Принцу, которого вывели пастишь на ближнем лугу. Ее белая шляпка мелькала впереди, как большой цветок.

Мы с Чарльзом шли чуть позади.

— Что она любит? — спросила я вдруг.

Чарльз повернул голову.

— Кэти?

— Да.

— Лошадей. Воду. Истории. Зброшенные части дома. И очень не любит, когда ее жалеют.

Я смотрела на светлую головку девочки у ручья.

— А родителей она помнит?

В лице Чарльза что-то изменилось.

Не резко. Но тень появилась.

— Немного, — ответил он после паузы. — Или ей кажется, что помнит.

— Вам известно, что с ними случилось?

Он молчал дольше, чем следовало бы для простого ответа.

Потом сказал:

— Я знаю только то, что ее отец умер очень молодым. А мать... исчезла.

Я почувствовала, что это не вся правда. Но спрашивать дальше не стала.

Чарльз продолжил уже тише:

— В этом доме не любят говорить о происхождении Кэти.

— Потому что она незаконнорожденная?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Вы очень быстро понимаете то, о чем другие предпочитают молчать.

— Мне кажется, такие дети всегда чувствуют, что вокруг них слишком много недоговорок.

Он ничего не ответил.

Кэти уже бежала к нам обратно, прижимая к груди несколько цветков.

— Это вам, — сказала она и всучила мне пучок весенней эрики так резко, будто это не подарок, а приказ.

— Благодарю.

— Только не засушивайте, — строго предупредила она. — Цветы надо либо любить живыми, либо не трогать вообще.

Я чуть улыбнулась.

— Постараюсь следовать этому правилу, мисс Ашборн.

Она кивнула с видом человека, который дал важнейший жизненный совет.

Чарльз провел нас по холму, и далее по склону. Он рассказывал о школе Святой Агнессы, о моем классе, о том, что им завезли велосипеды.

- Вы умеете кататься на велосипеде, мисс Симоне? – спросил он, смущенно улыбаясь.

- Нет, - честно отвечала я.

- Если пожелаете, я мог бы научить вас. Уверяю, это очень приятное занятие. Очень бодрит.

- Было бы неплохо, - смеюсь в ответ.

Лицо мистера Джойса просияло.

- Тогда в следующую субботу, если вы, конечно, будете не заняты, мисс Симоне?

- Конечно, - отвечаю я.

Мы провели вместе весь день, собирая цветы, смеясь и рассказывая друг другу истории.

На следующее утро мы с Кэти делали цветы из папье-маше.

День был теплый. Окна школьной комнаты стояли широко раскрытыми. На столе лежали ножницы, клей, краски, проволока и листы цветной бумаги. Кэти сосредоточенно вырезала лепестки, высунув кончик языка, и это неожиданно сделало ее по-настоящему ребенком.

— Для чего вам столько цветов? — удивилась я.

— Я хочу украсить рамку.

— Какую рамку?

Она помолчала.

Потом ответила:

— Для фотографии.

- Для фотографии?

Кэти помедлила, но потом встала, подошла к комоду и вынула из верхнего ящика фотографию в потертой серебряной рамке.

Я взяла ее в руки.

С фотографии на меня смотрела женщина с короткими темными волосами, одетая вызывающе нарядно, с мундштуком в пальцах и тем выражением красивого лица, какое бывает у женщин сцены, знающих цену и аплодисментам, и мужчинам. Рядом с ней стоял совсем юный мальчик, не старше восемнадцати, тонкий, светловолосый, красивый той еще неустоявшейся красотой, которая слишком часто оказывается незащитной перед миром. Что-то в его лице было знакомым. Особенно в линии подбородка и выражении глаз.

Пальцы мои похолодели.

Я перевернула фотографию.

На обороте, чуть выцветшими чернилами, было написано:

«Моему Гарри от его Жужу,

как воспоминание о самой восхитительной неделе в Париже».

В глазах у меня потемнело.

— Кэти, — произношу очень тихо, боясь собственного голоса. — Твоего отца звали Гарри?

Она кивнула.

— Да.

Я посмотрела на нее.

— А какая у него была фамилия?

— Фейн, — ответила она просто. — Гарри Фейн. А что?

Фотография дрогнула у меня в руках.

Я упала на колени прямо у стола и закрыла лицо руками.

Глава 10. Тени прошлого

Я не знаю, сколько прошло времени.

Звуки вернулись не сразу, сначала тонкий скрип рамки на паркете, потом шорох бумажных лепестков, рассыпанных по столу, потом голос Кэти, чужой, испуганный, совсем детский:

— Мисс Симоне. Мисс Симоне, вам плохо?

Я не могла поднять лица. Спазм сдавил горло.

Гарри Фейн.

Светловолосый мальчик на фотографии смотрел на меня сквозь уплывающую тьму. Они не были сильно похожи с Эдвардом, и все же с первого взгляда можно было сразу понять, что они братья. Это был его род. Его кровь.

— Мисс Симоне!

Кэти стояла надо мной, бледная, растерянная, в одной руке она сжимала бумажный лепесток. В ее глазах застыл испуг, она не понимала, что делать с этим взрослым, которому вдруг стало плохо.

— Простите, мисс Кэти, - выдавила я, хватая ртом воздух. — У меня просто закружилась голова.

Девочка окинула меня недоверчивым взглядом, затем вернула фотографию в комод, бережно, и это движение, то, как маленькие руки положили серебряную рамку на место, как закрыли ящик, будто запирая на ключ целую жизнь, ударило меня сильнее всяких слов.

— Не плачьте, — сказала Кэти, не глядя на меня. — Я знаю, что папа умер. Но когда люди смотрят на меня и жалеют, я злюсь.

Я сглотнула. Но я жалею. Я жалею, Кэти. Только жалость моя не про тебя, а про нас всех.

Девочка уже стояла у окна, выпрямившись, как крошечная взрослая леди. Свет весеннего дня ложился ей на плечи, на тонкий профиль, на светлые локоны, и от этого она казалась еще более хрупкой и неправильной для всего того горя, которое уже успела пережить. Только теперь мне стало казаться, что в чертах ее личика было что-то едва уловимо похожее на ее отца, Гарри Фейна, и на ее дядю, Эдварда.

— Я не жалею вас, — сказала я после паузы.

— Нет?

— Нет. Я... — мне пришлось остановиться, чтобы голос не предал меня. — Я просто не люблю, когда хороших людей слишком рано отнимают у тех, кто их любил.

Кэти некоторое время молчала.

Затем подошла ближе и неожиданно серьезно спросила:

— Вы знали моего папу?

Вопрос ударил неожиданно и больно. Что я могла ответить? Нет, я не знала твоего отца, но мой старший брат, Даниэль, знал его, и он был той страшной силой, которая привела твоего отца к страшному концу. Нет, я не могла...

— Нет, — ответила я. — Я никогда не видела его живым.

Это была правда.

— Но вы говорили так, будто... — Кэти запнулась. — Будто знаете.

Я закрыла глаза на мгновение.

— Иногда, — произнесла я осторожно, — бывают лица, на которых слишком ясно написана судьба.

Кэти не поняла моих слов, но не стала добиваться объяснений.

— Мой папа был красивый, — сказала она тихо улыбнувшись. — Все говорят, что я похожа на него глазами. А дядя Эдвард говорит, что я такая же упрямая.

Чувствую, как бледнею. При имени Эдварда у меня вновь потемнело в глазах, но теперь я уже удержалась на ногах.

Я повернула голову слишком медленно, боясь собственного выражения лица.

— Кэти, твой дядя... он часто приезжает сюда?

Кэти покачала головой.

— Нет. Очень редко. У него всегда дела. Бабушка говорит, что мужчины семьи Фейн всегда уезжают по делам именно тогда, когда им следовало бы сидеть дома.

В этом сухом, почти взрослым тоном произнесенном замечании было так много от леди Ашборн, что я невольно бы улыбнулась, если бы сердце мое не сжималось все сильнее.

— А когда он был здесь в последний раз?

— Прошлым летом. На мой день рождения.

Она наконец оживилась и заговорила быстрее:

— Мы катались по озеру. Он сам греб. И разрешил мне держать весло, хотя миссис Уолтон сказала, что я уроню его в воду. Это он привез мне моего Принца и сказал, что научит меня держаться в седле лучше всех в графстве, когда вернется.

Я улыбнулась. Очень слабо. Потому что эта фраза была так похожа на Эдварда, что я почти услышала ее в его голосе.

Каждое сказанное Кэти слово отзывалось во мне странной, мучительной нежностью.

Он был здесь. Эдвард был здесь.

Ходил по этим дорожкам. Смеялся с этой девочкой. Смотрел на то же озеро, на которое теперь каждый день смотрела я.

Так близко.

И так бесконечно далеко.

— Он красивый, — повторила Кэти с убежденностью ребенка, выносящего окончательный вердикт. — И смелый. И не боится бабушки.

— О, это редкое достоинство, — поднимаю бровь, улыбнувшись слегка иронично.

Я вдруг увидела его так ясно, будто он стоял здесь, у порога школьной комнаты: темные волосы, сдержанный взгляд серых глаз, сильные руки, привыкшие держать поводья, книги и меня.

Меня...

Нет. Не меня. Киару Марэ, которая умерла. Которая лежит на морском дне Гибралтарского пролива.

Я медленно опустилась на стул, ощущая слабость в коленях. Осознание всей правды вдруг обрушилось на меня и оглушило. Получается, леди Ашборн не бабушка, а прабабушка для Кэти, а настоящая бабушка, мать Эдварда...

Судорожно стискиваю пальцы. Да, я помню, она сошла с ума после гибели сына и мужа.

— Мисс Симоне? — позвала Кэти, уже с ноткой нетерпения. — Вы сегодня какая-то очень задумчивая. Это скучно.

Я моргнула и, сделав над собой усилие, выпрямилась.

— Простите. Ваше замечание справедливо. Продолжим делать цветы?

Она кивнула, но еще долго поглядывала на меня исподтишка, словно пыталась понять, какую дверь в моей душе только что случайно приоткрыла.

Всю вторую половину дня я прожила как в тонком, зыбком тумане.

Я отвечала Кэти, исправляла ее французские упражнения, слушала, как она с удивительной серьезностью рассуждает о том, почему бумажные фиалки выходят убедительнее бумажных роз, и в то же время где-то глубоко внутри все продолжало звучать одно и то же: Гарри Фейн. Эдвард был здесь прошлым летом.

Когда урок закончился, я вышла в сад одна.

Небо было прозрачным и высоким. Солнце стояло уже довольно низко, мягко касаясь верхушек деревьев. По дорожкам тянулся запах нагретой земли, молодой травы и первых розовых почек, еще не раскрытых, но уже готовых к цветению. В дальних кустах кто-то из слуг развешивал на веревках белье, и белые простыни время от времени вздрагивали от ветра, точно призраки, которым наскучило молчать.

Медленно я дошла до озера.

Оно лежало внизу, тихое, гладкое, серовато-золотое под вечерним светом. Только у самого берега по воде пробегала слабая рябь, и в ней дрожали отражения ветвей.

Здесь он сидел с Кэти в лодке.

Здесь звучал его голос.

Я остановилась так резко, будто могла еще различить в воздухе след его присутствия.

Как странно устроено сердце. Оно учится терпеть разлуку, привыкает к мысли о невозвратном, смиряется, каменеет, даже находит в себе силы дышать дальше, и все же достаточно одного имени, одного сходства в детском лице, одной истории о лодке на озере, чтобы все прежнее поднялось изнутри с такой неистовой силой, словно ничего не прошло. Словно не было тяжелого расставания, ненависти и ошибок.

Я села на низкую каменную скамью у воды.

В памяти возникли слова Эдварда. Его голос, живой и сильный, полный боли и гнева:

— *Твой брат виновен в смерти моего брата.*

Я закрыла глаза.

Даниэль.

Даже теперь это имя отзывалось во мне не только сестринской любовью, но и чем-то тяжелым, смутным, как тень на дне колодца. Я слишком мало знала. Или, быть может, слишком многое боялась знать.

Солнце медленно уходило вниз. Вода темнела.

И мне вдруг стало страшно.

Не так, как бояться будущего, бедности или разоблачения. Иначе. Словно прошлое, от которого я столько бежала, наконец поднялось с земли и теперь медленно, неотвратно идет за мной следом по этим английским дорожкам, хрустящим гравием под ногами.

Ночью мне впервые за долгое время приснился Даниэль.

Я увидела его таким, каким он был когда-то, еще до всего: высоким, смеющимся, загорелым, с растрепанными волосами и тем беспечным блеском в глазах, который всегда тревожил отца и восхищал меня.

Мы стояли на веранде дома в Лаосе. Воздух дрожал от жары. За белыми колоннами густо темнела зелень сада, и жасмин полз по резным решеткам, наполняя вечер томительным, сладким ароматом.

— Киара, — сказал он, и голос его был живым, настоящим. — Не смотри на меня так.

— Как?

— Как на покойника.

Я хотела ответить, но не смогла.

Тогда он улыбнулся. Странной, усталой улыбкой, которой прежде у него не бывало.

— Ты всегда слишком поздно задаешь вопросы, маленькая сестра.

— Это правда? — выдохнула я наконец. — Это ты?..

Он не дал мне договорить.

Лицо его дрогнуло, как отражение в воде. Жасминовый вечер померк. Веранда исчезла.

Теперь была ночь. Ветер. Черная вода. Чьи-то крики вдалеке. А Даниэль стоял уже не на веранде, а на палубе, весь в холодном лунном свете.

— Ты опять не туда смотришь, — сказал он тихо.

— Даниэль!

Я шагнула к нему, но между нами вдруг выросла вода: темная, тяжелая, живая. Она поднималась все выше, заглушая голос, воздух, память.

Где-то за этой стеной мне слышался другой голос.

Эдвард. Джия. Отец. Пея. Парамит.

Тени прошлого...

И я проснулась.

Проснулась резко, с криком, с холодными руками и сердцем, бьющимся так, словно хотело разорвать грудь.

Комната была темна. За окном шумел ветер в листве. Где-то в доме пробило два часа.

Я села на постели, обхватив руками колени, и долго сидела так, прислушиваясь к собственному дыханию.

Сон не отпускал.

В нем было что-то не просто страшное, а предупреждающее. Словно прошлое не хотело больше оставаться погребенным и теперь искало путь обратно: через имена, лица, озеро, кровь, память.

Глава 11. Несчастный случай

После сна о Даниэле весь следующий день я прожила с тем странным ощущением, будто в воздухе что-то дрожит и ждет только одного неверного движения, чтобы сорваться.

Снаружи все оставалось на своих местах: серебристое утреннее небо над старыми вязами, чопорные часы в холле, отмеряющие время с упрямой английской точностью, запах чая, угля, лавандового воска и отполированного дерева. Но для меня в этих стенах теперь поселилось нечто иное — тревога. Она не имела ни голоса, ни лица, и все же сопровождала меня повсюду, как тень, которая на закате становится длиннее самого человека.

Тем временем весна уже почти перестала быть обещанием и становилась настоящей жизнью. В розариях леди Ашборн распускались первые бутоны, тонкие, туго свернутые, как пальцы девочки, не привыкшей доверять миру. Старый садовник мистер Эммет ворчал над рассадой, его жена сушила травы на кухонном окне, а в старом саду, куда вели потайные ступени западного крыла, сирень уже наполняла воздух терпкой, чуть пьяной сладостью. Дом, казалось, дышал мягче.

Даже камин топили теперь реже, и в коридорах стоял уже не зимний дух, а весенний запах открытых окон и старого дерева, прогретого наконец солнцем.

В эти дни я часто уходила в западное крыло и подолгу задумчиво бродила по пустым залам и галереям, заглядывая в мутные окна, за которыми цвел весенний сад. К пяти часам я возвращалась в гостиную, где всех уже ждал чай.

Войдя, я увидела, что перед Кэти лежала подарочная коробочка, которую девочка уже открыла, над ней, сладко улыбаясь, ворковала Эми Дженкинс:

- О, мисс Кэти, очень надеюсь, что эти шелковые ленты понравятся вам, - щебетала она, - я так волнуюсь. Я сама выбирала их. Эти оттенки так подойдут вашим голубым глазам.

- О, не волнуйтесь, милочка, - улыбалась леди Ашборн, - уверена, мисс Кэти очень довольна подарком, не так ли юная мисс?

Она остановила строгий взгляд на девочке. И та, чуть краснея, проговорила:

- Да, мисс Дженкинс, мне очень понравился ваш подарок. Благодарю.

В глазах Эми отразилось удовольствие от победы. В последнее время не проходило и дня, чтобы она не дарила Кэти какие-нибудь приятные мелочи. В ход шли ленты, цветные карандаши, новая книжка с картинками, бархатная подушечка для кресла в детской, обещание показать семейный альбом, если мисс Кэти будет хорошо себя вести, а однажды даже крошечный фарфоровый наперсток с нарисованной розой, совершенно бесполезный и потому необычайно привлекательный для ребенка.

Все эти подарки Эми дарила исключительно за чаем и исключительно в присутствии леди Ашборн. В этом и заключалась вся изощренность ее натуры. После нашей стычки она стала еще аккуратнее и еще опаснее.

Эми никогда не позволяла себе ничего, что можно было бы прямо назвать грубостью. Напротив, она сделалась почти неизменно любезна со мной, с той безупречной, сладковатой любезностью, которая похожа на тонкую перчатку, скрывающую острые ногти.

При леди Ашборн она стала появляться еще чаще.

То читала ей вслух, мягко и проникновенно, с тем особенным мурлыкающим тоном, которым некоторые женщины умеют услаждать старость; то собственноручно приносила плед, то выбирала для нее цветы в гостиную, то с заботливым видом напоминала миссис Уолтон о настойках, порошках, мазях, письмах и визитах. При этом она неизменно умудрялась вставить между делом что-нибудь невинное, но достаточно колкое, чтобы обозначить мою неловкость, мою чужеродность, мою неуместность в этом доме.

— Бедная мисс Симоне все еще не привыкла к нашим порядкам, миледи, — говорила она с мягкой улыбкой. — Не знаю, насколько это хорошо отразится на мисс Кэти.

Или:

— Мисс Симоне, конечно, так старается понравиться Кэти. Иногда, быть может, даже слишком старается.

При этом Эми совершенно невинно восхищалась прежней гувернанткой, умевшей, по ее словам, держать расстояние между собой и ребенком.

Кэти с детской радостью принимала ее подарки, правда, наигравшись с ними, бросала их на столе или на подоконнике. Они не заставили девочку привязаться к Эми. И тогда она пошла на решительный шаг.

Щенок появился в доме в четверг, сразу после завтрака.

Утро было тихое, теплое, в прозрачном воздухе уже стоял тот тонкий весенний свет, который делает старые английские усадьбы почти игрушечными: камень светлеет, стекла вспыхивают, молодая листва кажется полупрозрачной, а в тени сирени и бузины уже слышится жужжание первых пчел.

Мы с Кэти только что вышли из классной комнаты и собирались перейти в малую гостиную, где я обещала показать ей новую карту Франции, когда из холла донесся звонкий возглас Эми:

— Мисс Кэти! Скорее же! Я приготовила для вас сюрприз!

Кэти остановилась.

Я почувствовала, как в ее руке, лежавшей на стиге моей ладони, что-то дрогнуло, не то удивление, не то радостное ожидание, которое дети тщетно стараются скрыть, когда им обещают чудо.

Мы спустились в холл.

Эми стояла у подножия лестницы, сияющая, нарядная, с почти праздничным выражением лица. У ее ног на ковре возился маленький бело-рыжий щенок с шелковистыми ушами и тем нелепо серьезным, доверчивым взглядом, который бывает только у совсем юных созданий.

Увидев Кэти, он тут же неловко заковылял к ней по ковру, поскользнулся, смешно шлепнулся на бок, но тотчас вскочил и, словно не желая признавать своего поражения, снова ринулся вперед.

Кэти ахнула.

Это был такой чистый, неподдельный звук, что даже я вздрогнула.

— Мне? — прошептала она, опускаясь на колени.

— Разумеется, вам, — пропела Эми. — Я подумала, что такой прелестной маленькой леди, как вы, обязательно нужен друг.

Щенок уже лизал пальцы Кэти, наступал на подол ее платья и размахивал хвостом так яростно, будто намеревался взлететь.

И в это мгновение на лице девочки произошло то редкое чудо, которое всегда трогало меня до глубины души: исчезла взрослая настороженность, исчезла холодная гордость, исчезла маска маленькой леди, и осталось только счастье. Самое простое, самое детское.

— Он настоящий, — сказала она благоговейно.

— Уверяю вас, — заметила я, — это трудно не заметить.

Кэти подняла на меня сияющие глаза.

— Посмотрите, какой он чудесный!

— Несомненно, — согласилась я. — Хотя, по-моему, он уже составил о нас крайне независимое мнение.

Щенок тем временем пытался укунить кисточку на ковре и чихал от собственного усердия.

В холл вошла леди Ашборн. Она остановилась на пороге.

Ее взгляд скользнул по Кэти, по щенку, по Эми, и я физически ощутила, как в воздухе чуть изменилась температура.

— Мисс Дженкинс, — сказала она негромко. — Что это значит?

Эми тут же обернулась с таким видом, словно всю жизнь только и ждала случая проявить великодушие.

— Небольшой подарок для мисс Кэти, миледи. Я подумала, что ребенку в ее положении полезна привязанность к живому существу.

Это было сказано очень ловко, будто она действовала почти по медицинскому предписанию и единственно из заботы.

Леди Ашборн перевела взгляд на девочку, и в лице ее на одно мгновение проступило то редкое, почти невыносимое выражение, которое бывает у очень холодных людей, когда они любят слишком сильно и потому скрывают это особенно тщательно.

— Что ж, — сказала она наконец. — Раз уж животное уже здесь, было бы жестоко отослать его обратно. Но учтите, мисс Дженкинс: этот щенок не должен мешать порядку в доме.

— Конечно, миледи, — проворковала Эми.

В тот день уроки, разумеется, шли плохо.

Какой ребенок станет спокойно разбирать французские времена, когда в доме появился живой, теплый, мягко пахнущий молоком и соломой комочек счастья? Щенок, которого Кэти тут же назвала Блицем, носился по террасе, путался в собственных лапах, нападал на шнурки, трепал уголки ковриков и с уморительной серьезностью облаивал садовую лейку, как смертельного врага.

После обеда стояла такая ясная, такая ласковая погода, что леди Ашборн распорядилась подать чай на лужайке у озера.

Туда вынесли легкие кресла, плетеный столик, чашки тонкого фарфора, серебряный чайник, блюдо с несладким печеньем для мисс Кэти. Весенний свет лежал на траве широкими золотистыми пятнами. Озеро внизу блестело, как гладкий металл. Ветер шевелил верхушки камышей, и в этом ленивом шорохе было что-то убаюкивающее.

Кэти, получив разрешение поиграть неподалеку, бегала по траве со щенком.

Я сидела чуть поодаль от леди Ашборн и миссис Уолтон, следя за девочкой, как следят за огнем в камине: вроде бы он мирный, послушный, домашний, но стоит отвернуться — и беда.

Эми, как всегда, была возле хозяйки дома. Она сама разливала чай, подавала салфетки, наклонялась слишком близко, говорила слишком мягко и смотрела на Кэти с подчеркнутой улыбкой женщины, желающей, чтобы все заметили ее доброту.

— Щенок, кажется, пришелся мисс Кэти по сердцу, — заметила она.

— Посмотрим, насколько долго, — сухо отозвалась леди Ашборн. — Детские привязанности меняются столь же быстро, как погода.

Я перевела взгляд на девочку. Кэти бежала впереди с Блицем на руках, потом опускала его на землю, и тот несся кругами, падая, путаясь в траве, снова вскакивая и лая на собственную тень.

В следующую минуту все произошло так быстро, что память моя потом еще долго не могла восстановить точную последовательность.

Щенок вырвался вперед.

То ли его привлекла птица у воды, то ли блеск поверхности, то ли просто безрассудная радость движения, свойственная всем молодым существам. Он стремительно помчался вниз по склону, прямо к берегу.

— Блиц! — вскрикнула Кэти и бросилась за ним.

— Мисс Кэти! — крикнула я, уже вскакивая.

Щенок не остановился. Добежав до самого края, он на мгновение замешкался, заскользил по влажной траве и исчез.

Послышался всплеск.

Кэти даже не крикнула.

Она только дернулась вперед всем телом, как дергаются от страха дети, у которых мысль всегда опережает разум, и в ту же секунду прыгнула следом.

Помню, как леди Ашборн резко встала, опрокинув чашку.

Помню пронзительный голос миссис Уолтон.

Помню, как Эми вскрикнула: — Боже мой!

И ничего больше.

Потому что в следующий миг я уже бежала.

Сбросила туфли на ходу. Сорвала с плеч шаль. Подол платья путался в ногах, цеплялся, мешал дышать. Холодный воздух ударил в лицо, очки слетели, трава была мокрой, склон предательски скользким, и где-то впереди, в ослепительном блеске воды, мелькнуло синее платье Кэти.

А потом я прыгнула. Быстро, не раздумывая ни секунды.

Вода сомкнулась надо мной тяжелой, темной массой; платье сразу потянуло вниз, волосы прилипли к лицу, и на одну страшную долю секунды мне показалось, что я снова там, в той другой воде, среди паники, криков, гибели, прошлого. Озеро оказалось холоднее, чем я могла вообразить. От ледяного укуса тело на мгновение забывает, как дышать.

Я рванулась вперед, почти вслепую, чувствуя, как сводит грудь, как лед обжигает кожу сквозь ткань. Где-то справа мелькнула белая лапа щенка, отчаянно бьющая по воде, а чуть дальше светлое пятно, волосы, рука.

Кэти.

Она не боролась. Это испугало меня сильнее всего.

Я нырнула глубже, схватила ее за плечо, за ткань платья, выдернула к себе. Тело девочки было удивительно легким и вместе с тем безвольным, как у тряпичной куклы. Ее лицо ушло под воду, и я, задыхаясь, перехватила ее выше, прижала к себе, заставляя голову держаться над поверхностью.

— Кэти!

Она не ответила.

Берег был страшно далеко, или мне так казалось. Каждое движение давалось с усилием. Юбки тянули вниз. Ледяная вода резала грудь. В ушах шумело. Но где-то рядом уже были голоса, крики, чьи-то руки.

Кажется, садовник вбежал в воду по колено. Кажется, кто-то схватил щенка. Кажется, конюх помог мне дотянуться до отмели.

Я почти не помнила этого.

Помнила только, как вдруг земля оказалась под коленями, как я вытащила Кэти на траву, перевернула ее, откинула мокрые волосы с лица и увидела это лицо.

Белое. Совсем белое. С закрытыми глазами. С неподвижными губами.

У меня внутри что-то оборвалось.

— Нет, — мою грудь сотрясло рыдание. — Нет. Нет, нет, нет...

Я опустилась перед ней прямо в мокрую траву, не чувствуя холода, не слыша ничьих голосов. Кто-то пытался оттащить меня, кто-то говорил, что надо позвать доктора, кто-то плакал, но я уже не различала слов.

Я приподняла Кэти, перевернула, нажала на ее маленькую спину, потом снова уложила, растирая холодные руки, щеки, виски. Неумело, отчаянно, почти безумно.

— Кэти... Кэти, пожалуйста...

Голос мой сорвался.

Я наклонилась к ней так близко, что чувствовала на губах запах озерной воды и мокрых детских волос.

— Живи, — прошептала я. — Слышишь меня? Живи, маленькая... пожалуйста, живи... Слезы текли по моему лицу, смешиваясь с водой, и я уже не стыдилась их.

— Не смей уходить, — говорила я, почти не сознавая, что говорю. — Не смей... Я не вынесу еще одной смерти... только не ты... Господи, только не ты...

И вдруг кашель.

Слабый. Судорожный. Хриплый.

Из губ девочки вырвалась вода. Она дернулась, зажмурилась, задышала прерывисто, страшно, но задышала.

Я вскрикнула то ли от радости, то ли от облегчения, то ли от того, что сердце наконец разрешило себе снова биться.

— Кэти!

Она открыла глаза.

Затуманенные, испуганные, еще не понимающие, где она и что произошло.

— Мисс... Симоне?.. — выдохнула она едва слышно.

Я засмеялась и заплакала одновременно, прижимая ее к себе так бережно, будто держала на руках не ребенка, а собственную душу, только что возвращенную с того света.

В следующую минуту нас окружили.

Миссис Уолтон упала на колени возле девочки с криком, в котором уже не было ни достоинства, ни самообладания. Леди Ашборн стояла неподвижно, смертельно бледная, и только по тому, как судорожно дрожали ее пальцы, можно было понять, чего ей стоило не потерять сознание. Эми замерла чуть в стороне, прижав обе руки к груди. Щенка кто-то уже завернул в плед; он тихо повизгивал, живой и целый.

— В дом, — резко сказала леди Ашборн, и голос ее прозвучал так, будто был выкован из металла. — Немедленно. Мисс Кэти в дом. Пошлите за доктором. Живо!

Конюх поднял Кэти на руки.

Она уже цеплялась за его сюртук, слабо, но упрямо, и, прежде чем ее унесли, успела повернуть голову ко мне.

Наши глаза встретились.

В ее взгляде было что-то новое.

Я устало улыбнулась. О, Небеса, я смогла. Сегодня я смогла спасти эту жизнь.

Холод вдруг навалился на меня весь сразу, чудовищный, пронизывающий, безжалостный. Меня затрясло так, что застучали зубы. Мокрое платье прилипло к телу ледяной тяжестью. В глазах потемнело.

Последнее, что я помню, как кто-то зовет меня по имени.

Не моему настоящему имени.

Тому, под которым я еще жила.

Глава 12. Розы и трепет сердца

Я возвращалась не сразу.

Сначала был только жар: густой, тяжелый, невыносимый, как будто кто-то запер меня в тесной комнате под палящим солнцем и не оставил ни одного окна. Потом приходили голоса. То уходили, то приближались, то растворялись в темноте, словно их несли через воду.

— Дышит?

— Пока да.

Мне снился Лаос.

Я шла по белой веранде дома Марэ и не слышала собственных шагов.

Ставни были распахнуты, но вместо сада за ними темнела не зелень, а дым. Пахло не жасмином, а мокрым пеплом. По длинному коридору медленно плыли тени: Пея с лампой, Парамита с венком в руках, мать в золотом сари, Джия в дорожной шляпе с вуалью. Я звала их, но они не оборачивались.

И только в самом конце коридора, у распахнутой двери в сад, стоял Эдвард. Светлый, как в самые первые дни, с серыми глазами, полными той жгучей нежности, от которой у меня всегда слабели колени. Приближается и склоняется к моим губам.

— Киара, - жарко выдыхает. — Где ты?

— Я здесь, - шепчу. — Эдвард, я здесь...

Когда я пришла в себя по-настоящему, за окном стояло утро.

Свет был бледный, мягкий, и, прежде чем я поняла, где нахожусь, мне показалось, что это Лаосский рассвет, только слишком тихий, без гула цикад и без звона воды в каменных чашах. Потом я увидела низкий потолок, маленькое окно, грубые занавески и поняла, что это не дом Ашборнов.

Я лежала в узкой кровати у стены.

Комната была бедной, но чистой. Беленые стены. Небольшой стол. Очаг. Два деревянных стула. На подоконнике глиняный кувшин с водой и небольшой букетик весенних цветов. Рядом с ним лежала детская картинка, раскрашенная неровной рукой: лошадка, дом, солнце и крошечная девочка в синем платье.

Я моргнула.

— Кэти...

Голос вышел хриплым и слабым.

Скрипнула дверь.

В комнату вошла женщина средних лет, плотная, круглолицая, с усталым, но добрым лицом. Это была жена садовник, миссис Эммет. В руках она несла миску и ложку.

— Ну вот и славно, — сказала она, ставя все на стол. — Очнулись наконец. А я уж думала, вы и дальше будете спорить с жизнью.

Я попыталась приподняться, но голова тут же закружилась.

— Где я?

— В сторожке при саде, мисс. Доктор велел не везти вас в большой дом. Боялись, что вы простудились так, что от вас еще и другие подхватят. Особенно мисс Кэти.

Я закрыла глаза, с облегчением откидываясь обратно на подушки.

Значит, Кэти жива.

Эта мысль ударила в меня так сильно, что я едва не заплакала снова.

Женщина, заметив это, произнесла:

— Не пугайтесь. С девочкой все хорошо. Испугалась она, да. Но уже ходит. И все твердит, какая вы храбрая, что вы ее спасли.

Я медленно повернула голову к букету на подоконнике.

— Это от нее?

— Да. И картинку сама сделала. Сказала, что вы любите лошадей.

Я дотронулась до грубой бумаги кончиками пальцев, как до чего-то бесконечно драгоценного.

— Спасибо... — выдохнула я. - Сколько... сколько я болела?

Миссис Эммет вздохнула и поправила край одеяла.

— Почти три недели, мисс.

Три недели.

Я закрыла глаза. Мир качнулся.

Три недели вырванной жизни.

Миссис Эммет принесла бульон и подала мне ложку.

— Пейте бульон, пока теплый, мисс, - тепло улыбнулась она.

Я послушно сделала несколько глотков.

— Да, вы всех нас напугали, - качала она головой. – Особенно мистера учителя. В первые дни не отходил от вас ни шаг. Так переживал, что мы боялись с моим Питером, как бы он сам тут тоже не слег.

- Мистер учитель? – удивилась я, поднося очередную ложку бульона ко рту. – Вы имеете в виду мистера Джойса?

- Его самого, - кивнула миссис Эммет.

Легкая улыбка коснулась моих губ. Милый мистер Джойс. Он слишком добр ко мне. А я... Никогда не смогу отплатить ему за все, что он сделал для меня.

Следующие дни слились в медленное, мутное течение.

Лихорадка то отступала, то возвращалась. Иногда я могла сидеть, иногда вновь проваливалась в полусон. Миссис Эммет приносила мне еду, меняла воду, поправляла одеяло и разговаривала со мной так, будто мы давно знакомы.

Она была женщиной прямой, без излишней нежности, но в ней чувствовалась та редкая сила, которая исходит от людей, умеющих заботиться не словами, а делом.

— Вы слишком рано стараетесь встать, — говорила она. — Тело упрямое, но его надо уговаривать, а не торопить.

— Я не люблю быть бесполезной, — отвечала я однажды.

Конечно же пришел мистер Джойс. Увидев, что я уже встаю, он потрясенно замер в дверях.

- Мисс Симоне, разве вам можно уже подниматься? – выдохнул он, сжимая в руках шляпу.

Я бодро улыбнулась, выпрямляя спину.

- Конечно же! Я совсем здорова. Смотрите!

Мир качнулся, и я чуть не упала. Мистер Джойс подскочил ко мне, придерживая за плечи.

— Осторожно. Вот так. Не геройствуйте, мисс Симоне.

А мне почему-то стало смешно от собственной неуклюжести, от его такого заботливого голоса и дрожи в руках, которыми он прижимал меня к себе.

Я откинула голову и засмеялась, кажется, впервые за очень долгое время.

Мистер Джойс сначала растерялся, во все глаза смотря на меня. Но потом тоже засмеялся.

И вот однажды утром миссис Эммет сказала:

— Ну что ж. На сегодня хватит комнаты. Пора вам подышать садом.

Я остановилась на пороге сторожки, опершись на ее руку.

Воздух был мягким, почти теплым.

Июнь уже вступил в свои права: трава поднялась выше, кусты разрослись, клумбы налились густыми красками.

Розы распустились так пышно, будто весь сад наконец вспомнил, ради чего был посажен. Белые, розовые, алые, они стояли вдоль дорожек живыми облаками, и ветер приносил их запах волнами, то сладкими, то терпкими.

Я сделала несколько шагов и замерла. Так сладостно и томительно было наблюдать за красотой вокруг. После болезни красота природы почти пугала. Я шла медленно, очень медленно, и чувствовала, как слабость еще живет в коленях.

Я дошла до низкой каменной стены и, чуть отдышавшись, опустила ладонь на теплый камень.

И тогда услышала быстрые шаги.

— Мисс Симоне!

Я подняла голову.

Ко мне по дорожке бежала Кэти.

Она была в светлом платье, с лентой в волосах, румяная, оживленная, и в эту минуту в ней было столько радостной энергии, что я невольно улыбнулась сквозь слабость.

Она остановилась передо мной почти в последний миг, словно боялась напугать меня своим порывом.

— Вы вышли! — выдохнула она. — Я так ждала! Я каждый день спрашивала, можно ли вас увидеть, и молилась, чтобы вы скорее поправились.

У меня перехватило горло.

— Мисс Кэти...

Она схватила меня за руку обеими ладонями.

— Я очень испугалась, — быстро сказала она, стараясь не расплакаться. — Когда вас унесли, я думала, что вы тоже можете умереть. Как... как мой папа.

Я опустилась перед ней на колени и чуть обняла за плечи.

— Я жива, — тихо сказала я. — Видишь? Я здесь.

Она кивнула и вдруг смутилась, будто призналась в чем-то слишком личном.

— Я так молилась о вас, — прошептала она. — И еще о Блице. И о том, чтобы вам наконец стало лучше.

Сердце защемило от мучительной нежности. Я коснулась пальцами ее личика.

— Спасибо.

Кэти посмотрела на меня так, словно хотела сказать еще тысячу слов, но вместо этого резко выпрямилась и почти торжественно произнесла:

— Мисс Симоне, у меня для вас очень важная новость.

Я удивилась.

- Что же это может быть?

Она понизила голос, хотя вокруг не было никого, кроме ветра и роз.

— Приехал дядя Эдвард.

Я перестала дышать. Воздух исчез. Звуки исчезли. А сердце замерло и не хотело снова биться.

Эдвард.

Здесь.

В этом доме.

Сейчас.

— Что?.. — едва слышно произнесла я похолодевшими губами.

— Он приехал вчера вечером, — быстро заговорила Кэти, не замечая, как меняется мое лицо. — Ему сообщили, что со мной случилось несчастье. И теперь они все собрались в гостиной и ждут вас.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Зачем?

Кэти удивленно моргнула.

— Чтобы поблагодарить вас за мое спасение, конечно же! Я уже все рассказала дяде Эдварду, о том какая вы храбрая и замечательная!

Кэти все еще что-то говорила, но я уже почти не различала ее слов.

Я медленно поднялась.

Пальцы мои непроизвольно сжали шпалеру у стены, увитую розами.

Лепестки были нежные, почти прозрачные. Шипы острые. Они впились в мою руку до крови, только я не чувствовала боли.

В сердце билось только одно:

Эдвард вернулся.

Глава 13. Лотос под маской

Я не помнила, как добралась до своей комнаты.

Кажется, Кэти еще что-то говорила мне вслед. Кажется, миссис Эммет окликнула меня, предостерегая не торопиться. Но слова расплывались, терялись в густом шуме крови, бившейся у меня в ушах.

Эдвард вернулся.

Он находился в доме.

В гостиной.

Ждал меня.

Я толкнула дверь и вбежала внутрь так резко, что едва не споткнулась о край ковра. Комната закружилась перед глазами. Я схватилась за спинку стула, пытаюсь отдышаться, но дыхание не желало подчиняться.

Мне хотелось смеяться. Плакать. Бежать. Остаться.

Я столько раз представляла себе эту встречу. Она снилась мне одинокими ночами. В воображении Эдвард являлся ко мне во всех возможных обликах: холодный и гневный, убитый горем, счастливый, забывший меня. Иногда он говорил, что никогда не переставал ждать. Иногда проходил мимо, даже не взглянув.

Но ни в одном из этих видений я не думала о том, что произойдет со мной, когда я действительно услышу его голос.

Я бросилась к шкафу.

На пол полетело голубое платье, затем серое, затем коричневая юбка, которую миссис Эммет считала слишком простой даже для прогулок. Наконец я остановилась на темном платье из грубой шерсти. Оно было скромным, почти бесцветным, с высоким воротником и длинными рукавами. На нем не было ни одной детали, способной привлечь взгляд.

Я сняла платье, в котором ходила по саду, и переоделась дрожащими руками.

Потом сняла ленты с волос.

Мои пальцы путались, не слушались. Несколько раз шпилька падала на пол, и я поднимала ее, почти не видя, куда тянусь. Наконец я туго стянула волосы на затылке и закрутила их в узел.

Нет.

Этого было мало.

Я достала очки и надела их. Стекла слегка запотели от моего горячего дыхания, и на несколько секунд все вокруг стало мутным. Так было легче.

Лицо исчезало. Черты расплывались. Киара Марэ отступала в тень.

На туалетном столике стояла маленькая коробочка с косметикой. Я открыла ее и нанесла на губы коричневую помаду, тусклую, почти землистую. Она сразу сделала лицо старше и строже.

Я посмотрела на себя в зеркало.

Передо мной стояла мисс Симоне. Сдержанная гувернантка с бледным лицом, тяжелыми очками и гладко убранными волосами.

Не женщина, которую Эдвард любил. Не та, которую он когда-то держал в объятиях. Не та, чье имя он произносил, задыхаясь от страсти и желания.

Я закрыла глаза, пытаюсь унять бешеный стук обрадованного сердца.

Да. Я хотела увидеть его.

Господи, как же я хотела его увидеть.

И именно поэтому боялась больше всего.

Мне было страшно встретиться с ним взглядом. Страшно услышать, что в его голосе не осталось для меня ничего. Страшно увидеть, что он научился жить без меня. Но еще страшнее было другое: вдруг одного взгляда окажется достаточно, чтобы я забыла обо всех своих обещаниях, о новой жизни, о чужом имени, о том, что Киара Марэ должна оставаться мертвой.

Я прижала ладонь к груди.

Сердце билось быстро, почти болезненно.

Я вытерла кровь с ладони, но тонкие царапины от шипов все равно остались. Пришлось надеть перчатки.

— Ну же, — прошептала я своему отражению. — Иди.

Дорога до гостиной показалась мне длиннее, чем весь путь от сторожки до дома.

Я шла медленно, держась прямо только благодаря упрямству. Ноги еще оставались слабыми после болезни, а ладонь, пораненная розовыми шипами, неприятно пульсировала. Я спрятала ее в складках юбки.

У дверей гостиной я остановилась.

За ними звучали голоса.

Голос леди Ашборн. Голос миссис Уолтон. Мягкий, нарочито любезный голос Эми.

И еще один.

Низкий. Спокойный. Чуть хрипловатый. Сердце пропускает удар...

Эдвард.

Боже, я, наверное, сплю...

Он что-то говорил, но я не разобрала слов.

В груди сделалось тесно. Я прикрыла глаза и на мгновение прижалась лбом к холодной деревянной панели.

Эдвард был совсем близко.

Я могла войти. Могла просто повернуть ручку.

Но тело отказывалось двигаться.

Наконец дверь открылась изнутри, и на пороге появилась миссис Уолтон.

— Мисс Симоне, — с облегчением сказала она. — Мы уже начали беспокоиться. Входите же.

Я заставила себя переступить порог.

В гостиной пахло чаем, розами и древесным дымом. Леди Ашборн сидела во главе стола. Рядом с ней расположилась Эми, выпрямившаяся в своем кресле с видом безупречной скромности. Миссис Уолтон сидела напротив.

А у окна стоял Эдвард.

Я не подняла глаз. Просто все мое существо, все органы чувств безошибочно нашли его в комнате.

Мне было достаточно увидеть его руки, лежавшие на спинке кресла, край темного сюртука, крепкую фигуру, неподвижную и знакомую до мучительной боли.

Он был здесь.

Настоящий.

Живой.

— Мисс Симоне, — произнесла леди Ашборн. — Подойдите ближе.

Я сделала несколько шагов.

— Прежде всего я хочу поблагодарить вас за спасение Кэти, — продолжила она. — Ваш поступок был безрассудным, но, несомненно, достойным признательности.

— Это был мой долг, миледи, — ответила я, стараясь говорить как можно глуше.

— Не всякий человек исполняет свой долг, бросаясь в ледяную воду, — заметила миссис Уолтон. — Вы могли погибнуть.

— Мисс Симоне отвечает за безопасность мисс Кэти, — мягко встала Эми. — Ей платят именно за то, чтобы следить за ребенком. Разумеется, мы все благодарны ей за счастливый исход, но нельзя забывать и о том, что несчастье произошло во время ее присмотра.

Я почувствовала, как пальцы сжимаются под складками юбки.

Эми произнесла это почти ласково, с выражением искреннего беспокойства. И именно поэтому ее слова прозвучали особенно мерзко.

Она не обвиняла меня прямо.

Она всего лишь напоминала всем присутствующим, что я не героиня, а наемная гувернантка, плохо исполнившая свои обязанности и поплатившаяся за это.

— Мы говорим о том, что мисс Симоне спасла Кэти, — заметила леди Ашборн.

— Разумеется, миледи. Я лишь полагала, что благодарность должна быть соразмерна обстоятельствам.

- Мисс Дженкинс права, - произношу тихо, - спасти Кэти было моим долгом.

И в эту секунду я услышала:

— Долг? — произнес Эдвард.

Слово было простым. Но голос...

О, Боже. Сколько ночей я слышала его во сне. Сколько раз просыпалась оттого, что мне казалось: еще миг, и он позовет меня по имени.

Живой. Низкий. Сдержанный. И от этого в груди сделалось так больно, что я чуть сильнее сжала пальцы в перчатках.

Теперь он звучал совсем рядом.

— Прыгнуть в ледяную воду ради ребенка способен только по-настоящему отважный человек, — продолжал Эдвард. — Насколько мне известны подробности, Кэти упала на глазах у очень многих взрослых, но лишь у одной мисс Симоне хватило смелости прыгнуть за ней.

Это его голос. Его интонация. Его способ сдерживать ярость и произносить слова так, что у другого человека подкашиваются колени.

Закрываю глаза, усилием воли подавляю головокружение.

В комнате стало тихо.

Я услышала, как он оттолкнулся от кресла.

Его шаги приближались.

И теперь он был совсем рядом. Я забыла, что надо дышать.

— Мисс Симоне, — продолжил Эдвард, — я благодарю вас. За жизнь моей племянницы. Сердце колотится где-то в горле, в ушах стучит. Но все же держу себя в руках.

Я медленно присела и тихо произнесла:

— Благодарю вас, милорд.

И только потому, что склонила голову низко, никто, надеюсь, не увидел, как побледнело мое лицо.

— Присядьте с нами, — предложила леди Ашборн. — Вы еще слабы. Вам следует выпить чаю.

Нет. Если я останусь здесь еще хотя бы минуту, то упаду без чувств.

— Простите, миледи, — сказала я. — Боюсь, после болезни силы еще не вполне вернулись. Мне следовало бы немного отдохнуть.

Леди Ашборн посмотрела на меня пристально.

— Что ж. Тогда не стану настаивать. Но имейте в виду: отныне я желаю видеть вас каждый день за ужином.

Я похолодела. Боже, нет, только не это... Но отвечаю лишь:

- Благодарю вас, миледи.

Снова сделала реверанс. Почти не чувствуя ног, вышла из комнаты. Дошла до первого поворота коридора. Еще до лестницы. И только там, у стены, сползла вниз на ковер.

Меня трясло.

Он меня не узнал.

Эдвард меня не узнал.

Я должна была радоваться. Именно этого я хотела. Именно ради этого обрезала волосы, надела очки, сменила имя, спрятала лицо и научилась жить так, словно прежней Киары никогда не существовало.

Но радость не пришла.

Вместо нее была боль. Мучительно острая.

Я, наверное, стала такой некрасивой, поэтому он меня не узнал.

Я плакала беззвучно, прижимая ладонь ко рту, чтобы никто не услышал. Плакала от облегчения, потому что он не разоблачил меня. От отчаяния, потому что он не увидел во мне ту, которую когда-то любил. От страха, потому что теперь я знала: могу находиться с ним в одной комнате и все равно быть для него совершенно чужой.

С приездом Эдварда все в доме словно ожило и заговорило. Заиграло разными красками. Все теперь вращалось вокруг него, как планеты вокруг солнца.

В последующие дни я научилась видеть Эдварда краем глаза.

Это был единственный способ выдержать его присутствие и не выдать себя.

Иногда, идя по саду, я замечала его силуэт через ограду, увитую розами. И тогда, укрытая от посторонних глаз, я жадно смотрела на него. Он был такой же, как в моих снах. Только на висках проступила седина, а черты лица стали резче, а взгляд жестче. Но даже теперь, при этой усталости, при этой новой сухой сдержанности, он был так мучительно, страшно красив, что сердце мое сжималось до боли.

Он почти все время проводил с леди Ашборн или Кэти. С девочкой он обращался мягко, терпеливо, хотя за внешним спокойствием я видела тревогу.

Кэти показывала ему свои рисунки, рассказывала о Блице, о новых розах, о том, как научилась правильно произносить французские слова. Эдвард слушал ее, слегка наклонив голову, иногда улыбался, и от этой улыбки у меня в груди становилось больно.

Он был очень нежен со своей племянницей.

Таким же, каким, вероятно, был когда-то братом.

Таким бы он был отцом для нашего ребенка...

Я наблюдала за ним издали: из-за двери библиотеки, из глубины коридора, через отражение в темном оконном стекле. Он не замечал меня.

Он часто бывал в библиотеке.

И много пил.

Это я заметила не сразу, а только на третий день, когда, проходя по галерее к вечеру, уловила в воздухе знакомый терпкий запах виски. Потом увидела стакан у его локтя. Потом пустую бутылку на каминной полке.

Тревога сдавила грудь. Я не помню, чтобы он столько пил раньше. Конечно, Эдвард пил, как все мужчины его круга. Но теперь это было по-другому.

Теперь это не было ни развлечением, ни светской привычкой. Он словно пытался забыться, убежать от тяжелых мыслей, которые то и дело омрачали его взгляд, когда он вдруг отвлекался от разговора с Кэти и смотрел долго вдаль.

И еще.

Он не был женат.

Однажды Кэти сообщила мне эту новость. Она говорила, что бабушка очень ругала дядю за отказ от помолвки с прекрасной леди, но дядя оставался непреклонен.

- Бабушка сказала, что дядю Эдварда околдовала дурная женщина, и потому он отверг леди Кингсли.

Тогда мне казалось, что я смогла сдержать себя в руках, и лишь через несколько минут заметила, что держу учебник вверх тормашками.

Почему? Этот вопрос мучил теперь меня ночами, не давая спать.

Почему ты не женился на леди Бланш Кингсли? Я же видела газету, я же подписала те бракоразводные бумаги, чтобы ты стал свободен. Но ты не женился...

И я поднимала глаза к бледному лику луны, словно ожидая от нее ответа, но та таинственно молчала.

Особенно сильно приезд Эдварда изменил Эми Дженкинс.

Она прямо-таки расцвела, словно ждала его приезда все это время.

Теперь ее платья становились чуть красивее с каждым днем, ленты свежее, взгляды длиннее, смех мягче, а запах жасминовых духов стойко держался в коридорах и комнатах дома.

Она ловко оказывалась там, где появлялся Эдвард. Подавала чай. Садилась ближе. Слушала, чуть склонив голову. Задавала вопросы о лошадях, скачках, охоте, Лондоне, парламенте, об игре в поло.

Он отвечал ей безукоризненно вежливо.

И абсолютно холодно.

Я не могла сдержать ликование каждый раз, когда замечала, как все кокетливые попытки Эми соблазнить Эдварда разбивались о непреступную стену равнодушия.

Но потом, уйдя к себе, я вопрошала свое отражение в зеркале, какое право я имею его ревновать? Мы уже давно стали друг другу никем.

И все же я ревновала. Яростно. Дико.

Каждый раз, когда Эми склонялась ближе к Эдварду. Каждый раз, когда смеялась чуть громче, привлекая на себя его взгляд. Каждый раз, когда, как ей казалось, производила впечатление.

Я едва сдерживала себя, чтобы не вцепиться в аккуратно взбитые кудри Эми, когда она как бы невзначай касалась ими руки Эдварда при наклоне.

В тот вечер я не могла уснуть. словно дикий зверь, запертый в клетке, я металась по комнате, не в силах совладать с чувствами.

Понимая, что сойду с ума, если не выйду из комнаты, я направилась в пустое западное крыло и бродила там, словно призрак, по темным готическим залам, пока луна не стала заходить за деревья.

Я уже собиралась вернуться к себе, когда заметила полоску света под дверью библиотеки.

Я остановилась и прислушалась. В комнате было тихо.

Потом едва слышный звон стекла.

Я приблизилась, дверь была приоткрыта, и я заглянула в щелку.

Эдвард спал в кресле у камина.

Сердце ударило сильнее.

На нем была белая рубашка с расстегнутым воротом. Темные волосы упали на лоб, одна рука безвольно свисала с подлокотника. В другой он держал стакан с виски. В камине догорали поленья, окрашивая его лицо в красноватый свет.

Я застыла на пороге.

Он выглядел измученным. Раздавленным каким-то долгим, невидимым бременем.

На его висках серебрилась седина. Под глазами залегли тени. Лицо во сне стало почти беззащитным, и я вдруг увидела в нем того Эдварда, которого знала прежде, до гнева, до вины, до всех наших ошибок.

Сердце сжалось.

Не отдавая себе отчета, я медленно вошла.

Половицы тихо скрипнули, но он не проснулся.

Я подошла к креслу и осторожно протянула руку к стакану. Хотела забрать его, поставить на стол, чтобы он не пролил напиток во сне.

Но остановилась.

Моя ладонь дрогнула. Он был теперь так близко. Я слышала его дыхание, чувствовала запах дорогого одеколона и табака. Ощущала тепло его тела.

— Что же случилось, Эдвард? — прошептала я. — Почему ты не женился? И почему стал так много пить?

Голос мой дрогнул. Я сама не узнала его.

Эдвард не проснулся. Только едва слышно что-то прошептал во сне.

Мне хотелось коснуться его лица. Провести пальцами по седым волосам. Сказать, что я жива. Что все это время думала о нем. Что не хотела исчезать. Что боялась.

Но я не имела права.

Я наклонилась к нему.

Запах виски смешивался с запахом дерева, дыма и его кожи. Все это было настолько знакомым, настолько родным, что у меня закружилась голова.

— Эдвард...

Я потянулась и коснулась губами его губ.

Очень легко.

Но этого оказалось достаточно.

Он шевельнулся. Рука его, еще сонная, потянулась ко мне. Пальцы легли мне на шею. И прежде чем я успела отстраниться, он приподнялся и ответил на поцелуй, медленно, бессознательно, так, как будто во сне наконец нашел то, по чему тосковал.

Я задрожала.

Поцелуй стал глубже, горячее, живее, чем я могла ожидать. В нем не было осознанности, но было воспоминание тела, которое оказалось сильнее времени.

Это было невозможно. Это было безумие. Это было все то, по чему я тосковала столько времени.

Эдвард тихо вдохнул.

И тогда в коридоре послышались шаги.

Я резко отстранилась.

Дверь библиотеки оставалась приоткрытой. В темном проеме мелькнула женская фигура.

Эми Дженкинс.

Сердце сорвалось в безумный галоп.

Через боковую дверь у книжных полок я выскользнула в темноту и прижалась к стене, дрожа всем телом.

В библиотеку вошла Эми и остановилась возле кресла.

И именно в этот момент Эдвард открыл глаза. Несколько секунд он смотрел перед собой, словно пытался вспомнить сон.

Потом его взгляд упал на Эми.

— Мисс Дженкинс? — хрипло произнес он

Эми улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.